

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

*Сборник статей по материалам
LXIII международной научно-практической конференции*

№ 7 (58)
Июль 2016 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2016

УДК 34
ББК 67
В74

Ответственный редактор: Васинович М.А.

Председатель редакционной коллегии:

Андреева Любовь Александровна – канд. юрид. наук, доц. Российского государственного гуманитарного университета, зав. кафедрой частного права филиала РГГУ, г. Великий Новгород.

Редакционная коллегия:

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;

Дядюн Кристина Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского филиала Российской таможенной академии;

Жамудинов Виктор Николаевич – канд. юрид. наук РК, заведующий кафедрой экономики, права и философии Павлодарского государственного педагогического института, Республика Казахстан.

В 74 Вопросы современной юриспруденции / Сб. ст. по материалам LXIII междунар. науч.-практ. конф. № 7 (58). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. 104 с.

Учредитель: АНС «СибАК»

Сборник статей «Вопросы современной юриспруденции» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Статьи, принятые к публикации, размещаются в полнотекстовом формате на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция «Актуальные вопросы противодействия общеуголовной преступности»	6
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ К УЧАСТИЮ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ Андреева Альбина Владимировна	6
Секция «Актуальные вопросы противодействия преступности, носящей коррупциогенный характер»	11
ИНСТИТУТ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И НОВАЦИИ Каххоров Давлатали Гаффорович Елисеев Алексей Михайлович	11
Секция «Гражданский и арбитражный процесс»	17
АДВОКАТЫ В АВСТРАЛИИ И КАНАДЕ: КРАТКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В БЫВШИХ АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЯХ Романов Андрей Александрович	17
Секция «Гражданское, жилищное и семейное право»	22
РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРИНЯТИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В ПОЛОЖЕНИЯ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 67.3 ГК РФ Батыршина Ксения Анатольевна	22
ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В СРЕДНИХ ШКОЛАХ ГОРОДА САРАТОВА Смолькова Ольга Владимировна Рубцова Лариса Федоровна	28
Секция «Конституционное право»	35
СТОЙКАЯ НЕСПОСОБНОСТЬ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ ПОЛНОМОЧИЯ Алборова Светлана Суликовна	35

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ФЕДЕРАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЫ РФ Обиднов Артем Алексеевич	41
Секция «Предпринимательское право и правовые основы банкротства»	46
ПРОБЛЕМЫ НОРМОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ СУДОХОДСТВА, В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПЛАВУЧИХ ОБЪЕКТОВ Подольян Диана Александровна	46
Секция «Теория государства и права»	52
ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ Адаева Ольга Викторовна Синякин Станислав Вячеславович	52
Секция «Трудовое право и право социального обеспечения»	56
РЕФОРМА ЗАЕМНОГО ТРУДА: ПЕРСПЕКТИВЫ И НЕДОСТАТКИ Кургина Татьяна Викторовна Елисеев Алексей Михайлович	56
Секция «Уголовное право»	62
ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НАРКОТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ Идрисов Наиль Талгатович	62
ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРИНЦИПОВ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО Матисаков Каныбек Анарбекович	71

Секция «Финансовое право и финансовая политика» 78

НАЛОГОВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ
И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ИХ СОВЕРШЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 78
Гагиева Алана Виленовна
Диамбеков Сослан Анатольевич

Секция «Юридическая психология» 83

МЕДИАЦИЯ В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ 83
Андреева Любовь Александровна
Трухина Ирина Николаевна

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ РЕГУЛИРОВАНИЯ
КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ 90
Андреева Любовь Александровна
Трухина Ирина Николаевна

СЕКЦИЯ

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ»

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ К УЧАСТИЮ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Андреева Альбина Владимировна

*ведущий специалист-эксперт (дознаватель) отдела судебных приставов Кировского района,
РФ, г. Самара
E-mail: a.v.andreeva@mail.ru*

FORENSIC BASIS OF PREPARATION OF THE PUBLIC PROSECUTOR TO PARTICIPATE IN THE TRIAL OF CRIMINAL CASES

Albina Andreeva

*leading specialist- expert (inquirer) of the Department of bailiffs,
Russia, Samara*

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи проанализировать состояние подготовки государственного обвинителя к участию в судебном разбирательстве уголовных дел и построить ее адекватную программу. Данная цель достигалась посредством использования общенаучного метода (диалектики), а также анализа и синтеза научных положений и эмпирических данных. Результатом работы стала предложенная, логически обоснованная программа подготовки государственного обвинителя к участию в судебном разбирательстве по уголовным делам. Автор приходит к выводу, что использование положений криминалистики при подготовке к судебному разбирательству является

одной из предпосылок эффективности участия государственного обвинителя в уголовном процессе.

ABSTRACT

The purpose of this article is to analyze the state of preparation of the public prosecutor to take part in the trial of criminal cases and build up the adequate program. This objective is achieved through the use of scientific methods (dialectics), as well as analysis and synthesis of scientific principles and empirical data. This has led to proposals logically based training program for the public prosecutor to participate in proceedings in criminal cases. We conclude that the use of the provisions of forensic science in preparation for trial is one of the pre-packages the effective participation of the public prosecutor in the criminal procedure.

Ключевые слова: государственный обвинитель, судебное разбирательство, криминалистика.

Keywords: public prosecutor, trial, forensic science.

Качественная подготовка к судебному разбирательству является одной из предпосылок эффективности участия государственного обвинителя в процессе и представляет собой, логико-аналитическую работу по изучению совокупности имеющейся в деле доказательственной информации на предмет установления ее тождественности реальным обстоятельствам дела и мысленное построение по результатам такого изучения модели предполагаемого поведения обвинителя в суде с учетом возможных «неожиданных» ситуаций, отрицательно влияющих на степень доказанности вины подсудимого [1, с. 182].

Для построения алгоритма своей деятельности государственный обвинитель на этапе подготовки к процессу должен определить основные задачи доказывания по конкретному уголовному делу, сформировать план представления и исследования доказательств, выбрать необходимые для проведения судебные действия, определить для себя последовательность и тактику их производства с учетом характера прогнозируемой судебной ситуации [2, с. 72]. Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что подготовка обвинителя к судебному процессу включает в себя элементы прогнозирования доказательственной деятельности в суде.

В первую очередь в процессе прогнозирования государственный обвинитель должен определить для себя мысленную модель будущей деятельности по поддержанию обвинения, которая будет состоять из совокупности процессуальных и тактических решений, подлежащих

применению в условиях конкретных судебных ситуаций. Криминалистическая составляющая указанной деятельности заключается в определении и выборе тех приемов и рекомендаций, с помощью которых при наименьшей затрате сил и времени будут достигнуты желаемые результаты такой деятельности. Именно в постановке задачи, определении путей, способов и средств ее решения, последовательности требуемых действий заключается организующая функция планирования. В материальном выражении модель последующей деятельности обвинителя в суде представляет собой письменный план, определяющий направление, порядок и пределы исследования обстоятельств дела. Структурно процесс планирования включает в себя такие этапы как:

- оценку текущего состояния уголовного дела и оценку реальных возможностей по достижению поставленной цели в процессе поддержания обвинения;
- определение необходимых условий для достижения результатов в заданный период времени (ограниченный этапами реализации государственного обвинения);
- разработку альтернативных плановых решений применительно к прогнозируемому изменению судебной ситуации.

При осуществлении планирования важным условием является обладание полной информацией о материалах уголовного дела, что исключает возможность последующего «неожиданного» выявления в суде пробелов и противоречий в доказательственной базе. Совершенное знание материалов производства, а также умение ориентироваться в представленной следователем информации об обстоятельствах происшедшего, достигается достаточно кропотливой работой обвинителя по изучению конкретного дела и построению вариантов усиления его уязвимых мест [3, с. 153]. Как справедливо утверждает С.П. Ефименко: «незнание материалов уголовного дела может привести к пассивной роли государственного обвинителя, к тому, что он не будет иметь возможности реально влиять на ход и результат судебного процесса» [2, с. 6]. По результатам социологических исследований отдельных авторов распространенными являются ситуации, когда должностное лицо прокуратуры, уполномоченное поддерживать обвинение, приступает к изучению уголовного дела непосредственно перед его направлением в суд – 9.1 %, а в некоторых случаях и во время судебного разбирательства – 3.1 % [4, с. 182]. По данным других авторов 11 % опрошенных прокуроров обычно готовятся к поддержанию государственного обвинения с момента

получения извещения из суда о назначении судебного разбирательства [1, с. 21]. Вместе с тем, незнание государственным обвинителем материалов уголовного дела препятствует выработке им наступательной линии поведения в суде, что существенно затрудняет процесс обоснования предъявленного обвинения.

Немаловажное значение в ходе подготовки к поддержанию обвинения имеет обращение прокурора к имеющемуся опыту рассмотрения аналогичных уголовных дел. В данном случае необходимо прибегать к применению логических приемов. Используя, в частности, прием аналогии, прокурор может спрогнозировать перспективу уголовного дела, опираясь на имеющийся опыт поддержания государственного обвинения по делам конкретной категории. Эвристическая ценность аналогии заключается в психологической составляющей принятия решения и выступает фактором, побуждающим к практическому действию в том варианте поведения, в правильности которого государственного обвинителя убеждает его опыт.

Завершающим этапом подготовки обвинителя к судебному процессу является проектирование им своей будущей деятельности по поддержанию государственного обвинения, связанное с созданием ее модели (прототипа), определяющей средства и способы осуществления доказывания, а также последовательность их применения для достижения желаемого результата. Проектирование предполагает процесс создания мысленного проекта, который нацелен на реальное практическое преобразование сложившейся ситуации силами государственного обвинителя в рамках судебного разбирательства с использованием необходимых тактических средств и приемов. В процессе его осуществления обвинителем производится детальное построение будущей деятельности, исходя из соответствия намеченной цели, в основе которого содержится план и имеющиеся прогнозы вероятных ситуаций.

Список литературы:

1. Булдыгина Н.И., Иванов А.Н., Курохтина Е.С. Поддержание государственного обвинения: правовые, организационные и тактические аспекты: учеб.-практич. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 248 с.
2. Ефименко С.П. Поддержание государственного обвинения [Текст]: учебное пособие / [С.П. Ефименко и др.]; ред. М.А. Иванов; под общ. ред. В.И. Рохлина; С.-Петерб. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – Санкт-Петербург: СПб ЮИ ГП РФ, 2005. – 72 с.

3. Карякин Е.А. Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики / Е.А. Карякин. – Москва: Юрлитинформ, 2007. – 222 с.
4. Кисленко И.Л., Кисленко С.Л. Криминалистические основы поддержания государственного обвинения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 328 с.
5. Приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // // – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142974/ (Дата обращения: 04.07.2016).

СЕКЦИЯ

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, НОСЯЩЕЙ КОРРУПЦИОГЕННЫЙ ХАРАКТЕР»

ИНСТИТУТ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И НОВАЦИИ

Каххоров Давлатали Гаффорович

*аспирант института права
Волгоградского государственного университета,
РФ, г. Волгоград*

Елисеев Алексей Михайлович

*студент 3 курса института права
Волгоградского государственного университета,
РФ, г. Волгоград*

E-mail.ru: eliseev_aleksey95@mail.ru

INSTITUTE OF SEIZURE OF PROPERTY: CHALLENGES AND INNOVATION

Davlatali Kakharov

*graduate student Law Institute, Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

Alex Eliseev

*student 3rd year Law Institute, Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются положения, регламентирующие институт наложения ареста на имущество. Авторами проведен анализ действовавшего ранее законодательства, и выявлен ряд правовых

коллизий, возникавших в судебной практике при наложении ареста на имущество. Кроме этого, выделены новации в законодательстве по данному вопросу.

ABSTRACT

The article deals with the provisions governing the institution of property seizure. The author analyzed the previous legislation, and identified a number of legal conflicts arising in judicial practice in the seizure of property. In addition, analyzing the changes come into force, the author of the article are highlighted innovations in the legislation on the matter.

Ключевые слова: собственность, арест имущества, преступные действия.

Keywords: property, seizure of property, criminal acts.

Защита права собственности в Российской Федерации является одним из приоритетных направлений деятельности государства. В уголовном судопроизводстве в целях защиты интересов государства, а также потерпевших от преступлений, возможно ограничение права собственности путем применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Ни в коем случае вмешательство государства в отношении собственности не должно быть произвольным и нарушать баланс между законными интересами общества и необходимыми мерами защиты прав личности. При достижении данного равенства и недопущения чрезмерного обременения лица необходимо соблюдать требования справедливости, разумности и соразмерности используемых средств. При этом ограничения права собственности могут вводиться федеральным законом, только если они необходимы для защиты иных конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц [4].

В национальном законодательстве одной из эффективных мер, ограничивающих право собственности, является наложение ареста на имущество. Целью данного процессуального действия является обеспечение исполнения приговора в части заявленного гражданского иска, который в рамках уголовного судопроизводства выступает одним из важных средств защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Сущность ареста заключается в ограничении для собственников или владельцев имущества права распоряжаться, даже иногда пользоваться им, для того чтобы преступники не смогли скрыть или избавиться от своей собственности, оказав справедливым притязания потерпевших. При этом, законом предусмотрена

возможность сохранения ареста имущества и в случаях, когда предварительное расследование по уголовному делу приостановлено.

До 15 сентября 2015 года данное правовое явление было регламентировано ч. 2 ст. 115 УПК РФ. Статья 115 УПК РФ закрепила право суда, изымать арестованную собственность у владельца, передавая её на хранение собственнику или владельцу этого имущества либо иному лицу. Кроме того, суд приобрел право накладывать арест не только на имущество непосредственных лиц преступления, но и принадлежащее третьим лицам, в том числе его добросовестным приобретателям, которые невольно стали участниками мошеннических действий. Арест на имущество третьих лиц в соответствии со статьей 115 УПК РФ налагался в случаях, если у следователя имелись достаточные данные полагать, что оно было получено в результате преступных действий, а также использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления, либо для финансирования терроризма, организованной преступной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Несмотря на достаточно подробную регламентацию в уголовно-процессуальном законодательстве процедуры наложения ареста на имущество, тем не менее, при реализации процессуальных действий, направленных на ограничение прав на имущество или его изъятие, правоприменители сталкиваются с рядом сложностей. Законодательные пробелы, выявленные в результате правоприменительной деятельности по ряду ситуаций, связанных с арестом имущества, обусловили определенную судебную практику, позволившую отметить о необходимости изменения данных процессуальных норм.

К числу ярко выраженных законодательных коллизий, возникавших на тот момент можно отнести:

- Игнорирование нормы ст. 90 УПК РФ «Преюдиция», которое проявляется в непринятии во внимание решений арбитражных судов в правоприменительной практике судов общей юрисдикции при наложении ареста на имущество и распоряжении вещественными доказательствами;

- Возникновение сложностей при определении обоснованности удовлетворения судом ходатайства органа предварительного расследования о наложении ареста на имущество, принадлежащее третьим лицам, на основании данных, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, оформленных ненадлежащим образом. Исходя из смысла ч. 1 ст. 108 УПК РФ, постановление о наложении ареста на имущество не может быть основано на информации,

не проверенной в ходе судебного заседания, в частности, на результатах оперативно-розыскной деятельности, представленных в нарушение требований ст. 89 УПК РФ. В связи с этим отсылка суда на допустимость использования информации, добытой оперативным путем, является некорректной, поскольку в процессе доказывания может быть использована лишь информация, отвечающая требованиям УПК РФ;

- Возникновение сложностей в ходе процедуры ареста и изъятия имущества, используемого в качестве вещественных доказательств по уголовному делу. Согласно ст. 35 Конституции РФ [3], ограничение права собственности возможно только на основании судебного решения, в связи с чем указывается, что даже имущество, являющееся вещественным доказательством, не может быть изъято, уничтожено или удерживаться без решения суда или против воли собственника. Поэтому после вынесения приговора вопросы о дальнейшей судьбе вещественных доказательств и отмене ареста на имущество должны разрешаться в соответствии с принципом состязательности сторон;

- неправомерное хранение вещественных доказательств следственными органами, проявляющееся в недопустимости немотивированного удержания изъятого имущества на неопределенный срок [2, с. 191–194].

Именно эти правовые пробелы вынудили законодателя принять федеральный закон от 29.06.2015 № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5, с. 3], вступивший в силу 15 сентября 2015 года. Данный закон внес ряд существенных изменений в процедуру применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество.

В соответствие с новой редакцией УПК РФ в отношении института наложения ареста на имущество, можно отметить следующие основные новации:

- введение термина «имущество», содержание которого не совпадает с определением данной дефиниции, закрепленной в ГК РФ. Например, с позиции уголовного судопроизводства под имуществом понимаются любые вещи, включая наличные деньги, ценные бумаги, безналичные средства, находящиеся на счетах и во вкладах в банках, имущественные права, включая права требования и исключительные права (п. 13.1 ст. 5 УПК РФ). Согласно гражданскому законодательству данный перечень включает также результаты работ и оказание услуг, объекты интеллектуальной собственности, а также нематериальные блага (ст. 128 ГК РФ);

- конкретизация порядка наложения и снятия ареста с имущества. При наложении ареста теперь суд должен не только обосновать свое решение, но и установить ограничения по владению, пользованию и распоряжению имуществом, о чем необходимо предупреждать тех лиц, которым арестованное имущество передается на хранение. Арест или ограничение прав на имущество могут быть сняты автоматически по истечению установленного судом срока ареста или отказа в его продлении (ч.ч. 1, 6, 9 ст. 115 УПК РФ);

- закрепление права третьих лиц подавать иск о назначении им денежной компенсации в случае необоснованного продления сроков ареста их имущества (ч. 6 ст. 115.1 УПК РФ, ст. 1069–1070 ГК РФ). Обращение в суд с иском о присуждении компенсации возможно, если продолжительность срока ареста превысила четыре года, если уголовное преследование не прекращено или приговор еще не вступил в силу. По вступившему в силу приговору или прекращенному уголовному делу заявление о присуждении компенсации может быть подано не раньше, чем через шесть месяцев с этого момента;

- указание на то, что арест, наложенный на безначальные денежные средства лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или несущими по закону за них материальную ответственность, должен быть отменен, если установлена и подтверждена соответствующими документами принадлежность им данных средств;

- установление порядка продления сроков ареста имущества (ст. 115. 1 УПК РФ). Например, при продлении данной меры процессуального принуждения разрешено участие лиц, имущество которых арестовано, при этом следователь или дознаватель, прежде чем ходатайствовать перед судом о продлении сроков ареста, обязан документально зафиксировать тот факт, что основания для применения ареста не отпали.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что такая мера процессуального принуждения как наложение ареста на имущество в настоящее время выступает серьезным и эффективным инструментом обеспечения исполнения приговора, которое ограничивает осуществление ряда важных гражданских прав.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons/doc_LAW_5142/ (Дата обращения 21.07.2016 г.).
2. Карягина О.В. «Наложение ареста на имущество: вопросы оптимизации уголовно-процессуального законодательства» // Журнал Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. № 10-1 С. 191–194.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ – [Электронный ресурс]. Консультант Плюс Режим доступа // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения 21.07.2016 г.).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) – [Электронный ресурс] – Консультант Плюс Режим доступа // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Дата обращения 21.07.2016 г.).
5. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Российская газета. 6 июля 2015. № 145 – [Электронный ресурс] – РГ РФ Режим доступа // URL: <http://rg.ru/2015/07/06/upk-dok.html>. С. 3 (Дата обращения 18.04.2016 г.).

СЕКЦИЯ

«ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС»

АДВОКАТЫ В АВСТРАЛИИ И КАНАДЕ: КРАТКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В БЫВШИХ АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЯХ

Романов Андрей Александрович

*аспирант кафедры гражданского права и процесса
Юридической школы Дальневосточного федерального университета,
Управляющий партнер Консультационной группы «Верно»,
РФ, г. Владивосток
E-mail: vl-consulting@mail.ru*

LAWYERS IN AUSTRALIA AND CANADA: BRIEF RESEARCH FOR LEGAL REPRESENTATION IN FORMER ENGLISH COLONIES

Andrey Romanov

*postgraduate for Civil Law and Procedure Department of the Law School of
the Far Eastern Federal University, Managing Partner,
VERNO, The Consulting Group,
Russia, Vladivostok*

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена краткому анализу статуса адвокатов в Австралии и Канаде, как странах общего права, бывших колоний Великобритании в аспекте судебного представительства по гражданским делам и условий допуска к судебному процессу.

ABSTRACT

The article is devoted to the brief research in regard to the regulation of lawyers' activity in Australia and Canada, which are the common law countries and the former colonies of Great Britain, targeting the legal representation in civil courts and conditions for entering the civil trials.

Ключевые слова: адвокат, представитель, гражданский процесс, Австралия, Канада, общее право, судебное представительство.

Keywords: lawyers, representatives, civil procedure, Australia, Canada, common law, legal representation.

Правовые системы Австралии и Канады, которые являются государствами – бывшими колониями Великобритании, представляют собой значительный интерес для сравнительно-правового исследования, в том числе и в области гражданского процессуального права. В настоящее время, ввиду обсуждения в Российской Федерации Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи и рассмотрения вопроса об установлении исключительного права адвокатуры на судебное представительство, возникают объективные предпосылки по изучению иностранного правового опыта в отношении института представительства в процессуальном праве. При этом, в рамках данного исследования акцент сделан на условиях регламентации профессионального представительства, не затрагивающего представительство в суде, основанное на законе.

Правовая система Канады интересна тем, что после длительного англо-французского соперничества, Канада стала британской колонией, на которую полностью были распространены английские законы. Вместе с тем, одна из ее провинций – Квебек, где преобладали выходцы из Франции, осталась приверженной французскому праву [2, с. 355], что в итоге на современном этапе обусловило двойственный характер права данного государства, как сосуществование общего права наряду с романо-германской правовой традицией.

В свою очередь, Австралия с самого появления постоянных английских колоний в 1788 году использовала английское право, в связи с чем представляла собой «чистую» колонию с приматом общего права, и до настоящего времени в данном государстве сохраняется сильное влияние английской правовой системы. Таким образом, австралийское право основано на общем праве, т. н. common law, существо и содержание которого определяется сквозь призму двух подходов. Первый заключается в том, что общее право представляет собой систему права, в которой принципы права формулируются судьями путем создания прецедентного права. Второй состоит в использовании состязательности при процедуре рассмотрения споров, выражающейся в активной роли сторон и их представителей и пассивной деятельности суда, по факту следящего за соблюдением правил судебной процедуры [4, с. 7].

Из указанного следует объективная необходимость участия в судебном процессе профессиональных представителей, что свойственно практически всем странам общего права, так как современное право и судопроизводство настолько сложны, что на практике ни один человек не может представлять себя в суде сам, за исключением наиболее простых дел, несмотря на то, что согласно старой традиции англо-американской юридической системы каждый может сам защищать свои интересы в суде [1, с. 62].

Разделение представителей – адвокатов – на барристеров и солиситоров, будучи заимствованным у метрополии по образцу договорного представительства в английском судебном процессе, широко применялось в Австралии в гражданском судопроизводстве. Деятельность барристеров и солиситоров в Австралии по своему содержанию и функциям полностью соответствовало традиционному подходу, используемому в Великобритании. В настоящее время такое разделение профессии можно отметить лишь в некоторых штатах, для остальных территорий свойственно регулирование, характерное для Соединенных Штатов Америки, когда все лица, занимающиеся юридической практикой, представляют собой адвокатский корпус. Можно отметить схожесть австралийской и американской правовых систем в части условий допуска лица к занятию юридической профессией и осуществлением судебного представительства – в Австралии необходимо иметь оконченное юридическое образование, определенный стаж работы судебным клерком, успешно пройти специальный экзамен.

Вместе с тем, как и в некоторых странах общего права, в Австралии существует юрисдикция суда «малых исков», призванная упростить, ускорить и удешевить судебную процедуру для рассмотрения определенных категорий дел, таких, как например, споры о правах потребителей. Разрешение указанных категорий дел отличается повышенной активной ролью суда с запретом привлечения в процесс участников профессионального юридического представительства. Верхний предел суммы таких исков различен в зависимости от территорий и составляет, например, в Виктории – 10 000 австралийских долларов, в Квинслэнде – 25 000, а в Тасмании – 5000 долларов [4, с. 47].

Гражданский процесс в большинстве провинций Канады и на федеральном уровне построен на тех же принципах, что в Великобритании и США, и определяется соответствующими законодательными актами и судейскими правилами. Гражданский процессуальный кодекс имеется только в провинции Квебек, при этом он вообрал в себя основные черты гражданского процесса,

соответствующие французской модели, но вместе с тем отразил существенные особенности процедуры разбирательства гражданских дел и правил оценки доказательств, принятых в других провинциях страны [2, с. 357].

В этом смысле правовой опыт Канады, как федеративного государства, является уникальным, когда в рамках одной страны сосуществует прецедентное право и кодифицированные источники, характерные для романо-германской правовой традиции. Вместе с тем стоит отметить, что данные особенности весьма слабо выражены в институте судебного представительства, подчиняя данную область регулирования общим подходам, свойственным государствам англосаксонской правовой семьи.

В соответствии с пунктом 62 Гражданского процессуального кодекса провинции Квебек право действовать перед судом как адвокат предоставляется исключительно адвокатам, кроме случаев, предусмотренных Актом о нотариате, при этом, статья 61 ГПК провинции Квебек предусматривает, что лицо, участвующее в деле, не обязано действовать исключительно через адвоката, за некоторыми изъятиями. Так, например, требование об обязательном участии адвоката предусмотрено для судебных споров с участием юридических лиц, опекунов, попечителей и иных, указанных в законе лиц [3, с. 1].

Таким образом, по смыслу положений ГПК провинции Квебек, лицо, участвующее в деле, может представлять себя самостоятельно, либо поручить защиту своих интересов адвокату. Правила по допуску в профессию укладываются в традиционную британскую систему, включающую получение юридического образования, прохождение стажировки и сдачу квалификационного экзамена. Существо и содержание условий, необходимых для занятия юридической профессией в Канаде могут немного различаться в зависимости от территории, на которой претендент планирует заниматься юридической практикой – так, например, стажировки в Британской Колумбии, Онтарио или Квебеке могут различаться как по продолжительности срока их прохождения, так и от места их проведения.

В заключение полагаем необходимым отметить, что установление в странах общего права правил о представительстве интересов сторон в суде только адвокатами (лицами, состоящими в профессиональных юридических сообществах данных стран) в большей части обусловлено значительной сложностью и запутанностью прецедентного права и правил судебных процедур.

Кроме того, главенствующий в общем праве принцип состязательности, реализуемый при весьма активной роли сторон как в инициации иска, так по определению предмета доказывания, собиранию

доказательств, требует наличия у тяжущихся сторон профессиональных представителей, ибо даже спорные вопросы судебных процедур зачастую находят свое разрешение в судебных прецедентах, составляющих огромный массив источников права в странах common law.

Однако, справедливым будет уточнить, что громоздкость и высокая стоимость судебных расходов, связанных с ведением судебного процесса, включая издержки на оплату услуг адвокатов, в Великобритании и США предопределили тенденцию по «облегчению» доступа к процессу, что проявляется в расширении круга лиц, могущих быть призванными к участию в деле в качестве представителей, и введении правил об исключении обязательного профессионального представительства по определенным категориям дел с наибольшими суммами исков.

Более того, проблема ограничения доступа к правосудию (которая отчасти понимается сквозь призму безусловного привлечения адвоката к участию в деле и высокой стоимости его услуг) в некотором смысле нивелируется широким развитием в странах англо-саксонской правовой традиции бесплатной юридической помощи, в то время как в Российской Федерации оказание бесплатной правовой помощи находится в стадии становления и попыток законодательного закрепления.

Принадлежность России к странам континентальной правовой семьи, кодифицированность источников права в отечественном государстве, слабая развитость организации бесплатной юридической помощи и законодательное отсутствие доктрины прецедента (как элемента, усложняющего практику правоприменения) не позволяют, на наш взгляд, утверждать о необходимости установления в Российской Федерации исключительного права адвокатуры на представительство в цивилистическом процессе.

Список литературы:

1. Американские суды. Д. Мидор. Уэст Паблицинг Компани. Сент-Пол, Миннесота. 1991. – 81 р.
2. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А.Я. Сухарев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – 976 с.
3. Code of Civil Procedure. R.S.Q. Quebec. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.ru/> (Дата обращения: 13.07.2016).
4. Understanding Business Law. В. Pentony, S. Graw, J. Lennard, D. Parker. 5th Edition. LexisNexis Butterworths. Australia. 2011. – 935 p.

СЕКЦИЯ

«ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО»

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРИНЯТИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В ПОЛОЖЕНИЯ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 67.3 ГК РФ

Батыршина Ксения Анатольевна

*аспирант Института права и национальной безопасности
Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы
при Президенте Российской Федерации,
РФ, г. Москва*

E-mail: batirshinaks@gmail.com

RATIONALITY OF CHANGES IN PARAGRAPH 2 OF ARTICLE 67.3 OF CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kseniya Batirshina

*postgraduate of the Institute of Law and National Security of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье оценивается рациональность принятых Федеральными законами № 99-ФЗ [6], № 210-ФЗ [5] изменений, внесенных в положения п. 2 ст. 67.3 ГК РФ [2]. Структура изложения представленного материала исходит из анализа возможности привлечения к солидарной ответственности основного общества совместно с дочерним обществом в области использования результатов интеллектуальной деятельности, а также изучения сложившейся судебной практики на предмет упрощения порядка привлечения основного общества к солидарной ответственности совместно с дочерним обществом. В результате проведенной оценки сделан отрицательный вывод касательно рациональности принятия данных изменений.

ABSTRACT

In this article we evaluated the rationality of changes in para. 2, Art. 67.3 of the Civil Code of the Russian Federation adopted by Federal Laws № 99-FZ, № 210-FZ. The structure of the presentational material is based on the analysis of the possibility of bringing to solidary liability of the mother company together with the subsidiary company in the field of intellectual property, as well as investigation of the court practice for simplification of the procedure of bringing to solidary liability of the parent company with the subsidiary company. As a result of the evaluation is a negative conclusion regarding the rationality of making such changes.

Ключевые слова: рациональность, основная компания, дочерняя компания, солидарная ответственность.

Keywords: rationality, mother company, subsidiary company, solidary liability.

В современных реалиях отношения экономической и корпоративной зависимости являются нормой, обыденностью. Все чаще организация бизнеса строится по типу холдинговых объединений, поэтому развитому правопорядку без такой меры как ответственность контролирующей компании нельзя обойтись.

На этот счет действующее корпоративное законодательство Российской Федерации предусматривает возможность привлечь к ответственности основную компанию по обязательствам дочерней компании. Например, С.Д. Могилевский на примере акционерных обществ приводит пять вариантов ответственности хозяйственных обществ и товариществ: ответственность всем принадлежащим обществу имуществом, солидарная ответственность основного общества совместно с дочерним, субсидиарная ответственность основного общества по обязательствам дочернего, ответственность общества по обязательствам учредителей, ответственность общества перед акционерами (участниками) дочернего общества [4]. Безусловно, каждый из перечисленных вариантов ответственности заслуживает особого внимания. Однако в статье остановимся подробнее на втором варианте, поскольку новеллы гражданского законодательства были направлены на упрощение порядка привлечения к солидарной ответственности основного общества совместно с дочерним. Отсутствие условия о даче указания обязательного характера дочернему обществу основным обществом, включение согласия основной компании на совершение той или иной сделки ее «дочкой» опускают необходимость доказывания обязательного характера вышеприведенного условия

в учредительных документах дочерних компаний или в договорах между основными и дочерними компаниями (п. 2 ст. 67.3 ГК РФ) [2]. Соответственно, возникает вопрос о рациональности принятия данных новелл в условиях современного экономического оборота, предполагающего отношения экономической и корпоративной зависимости.

Попытаемся оценить рациональность принятия таких изменений через обращение к частным случаям. В рамках статьи под частным случаем понимается конкретная область правоотношений, в которой формируются те или иные особенности, характерные для привлечения основного общества по обязательствам дочернего.

Итак, А.Н. Захаров, исследуя типовые ситуации возможной ответственности основного общества по обязательствам дочернего при использовании результатов интеллектуальной деятельности, приходит к следующим выводам [3].

Во-первых, при заключении исключительного права выявлены ситуации, когда солидарная ответственность имеет место: в случае выхода разработчика за пределы лицензии предоставленной лицензиатом, если в указании дочернему обществу содержится предписание об использовании результата интеллектуальной деятельности без получения лицензии от правообладателя первичного результата интеллектуальной деятельности, предусмотренной ст. 1358.1 ГК РФ [2]; в случае создания результата интеллектуальной собственности по гражданско-правовому договору, если основным обществом даны конкретные указания, которые привели к нарушению обязательств по выплате вознаграждения внешнему соисполнителю либо к убыткам из-за неправильных управленческих решений в сфере интеллектуальной деятельности [3]. *Во-вторых*, при отчуждении исключительного права правовед посчитал, что привлечь основное общество к ответственности можно только в рамках схемы возмещения убытков в результате принятия неправильных управленческих решений [3]. *В-третьих*, при использовании интеллектуальной собственности в рамках корпоративной структуры основное общество можно привлечь к ответственности, если оно имело и реализовало фактическую возможность определять действия дочерних обществ [3].

Таким образом, А.Н. Захаров приходит к заключению, что для крупных корпоративных структур при управлении дочерними лицами крайне важна конкретность указаний о совершении определенных действий [3].

При этом не раскрывается: каким образом в процессе доказывания устанавливать такую конкретность. Остается ли актуальной следующая

триада фактов: 1) взаимосвязь между основным обществом и дочерним обществом; 2) право основного общества давать обязательные указания дочернему обществу; 3) возникновение неблагоприятных последствий по сделкам, заключенным дочерним обществом по обязательному указанию основного общества.

Кроме того, отмеченные правоведами нюансы ответственности основного общества при использовании результатов интеллектуальной деятельности достаточно условны, поскольку даже в узкой сфере не представляется возможным дать точный прогноз развития тех или иных отношений без учета всех факторов и обстоятельств каждого отдельного случая.

Помимо обращения к частным случаям можно пойти иным путем: проанализировать сложившуюся судебную практику на предмет упрощения порядка привлечения основного общества к солидарной ответственности совместно с дочерним. Необходимо отметить, что после принятия Федеральных законов № 99-ФЗ [6], № 210-ФЗ [5], обновивших положения п. 2 статьи 67.3 ГК РФ [2], прошло несколько лет, поэтому судебная практика в данной области находится только на этапе формирования. Тем не менее, по данному вопросу существует определенный массив судебных дел, который позволяет сделать отправные выводы. Например, в Постановлении Второго арбитражного апелляционного суда от 11.05.2016 № 02АП-2323/2016 [10], суд, опираясь на положения действующего законодательства и позицию вышестоящих судов, посчитал, что наличие у юридического лица статуса дочернего общества, так же как и заключение договора о передаче полномочий единоличного исполнительного органа АО «РЭУ» управляющей организации автоматически не ограничивает самостоятельности общества в решении хозяйственных вопросов и заключении сделок. При этом был сделан акцент на обстоятельстве, из которого следует вывод об отсутствии в доверенности условия об обязательном указании со стороны управляющей организации на заключение договора с ресурсоснабжающими организациями. В виду этого суд решил, что в деле нет доказательств, подтверждающих возможность привлечения основной компании наряду с дочерней компанией к солидарной ответственности. В Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2015 № 17АП-12956/2015-АК [9] суд пришел к аналогичным выводам, полагая, что само по себе заключение договора о передаче полномочий исполнительного органа дочерней компании управляющей компании, не свидетельствует о том, что основная компания в лице директора давала указания дочерней компании на принятие товара, поставленного

по договору поставки. Точно такая же позиция представлена в Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2015 № 10 АП-5532/2015 [8].

Вышеприведенная судебная практика содержит ссылку на решения вышестоящих судов: положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6 от 01.07.1996 [7], Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 указаны в обновленной редакции от 24.03.2016 [7], согласно которым обязательными условиями привлечения основного общества к солидарной ответственности совместно с дочерним обществом являются доказанные отношения «дочерности», а также применительно к конкретной сделке необходимо либо установить возможность определять решения дочернего общества основным обществом, либо обязательные указания основного общества на ее совершение. Анализируя данные разъяснения, можно заключить, что такие условия повторяют триаду фактов до принятия изменений в п. 2 ст. 67.3 ГК РФ [2], расширяя лишь на одну единицу область возможного влияния основной компании на дочернюю в рамках отношений экономической и корпоративной зависимости, а также указаны возникновение неблагоприятных последствий по сделкам, заключенным дочерним обществом под влиянием основной компании.

Ко всему прочему из вышеприведенных решений судов отчетливо видно, что для установления влияния основной компании на деятельность дочерней компании необходимо предоставить документальное подтверждение в виде зафиксированной формулировки о том, что основное общество наделено полномочиями либо определять решения дочернего общества, либо давать обязательные указания на совершение конкретной сделки. Предоставление такого рода доказательств является затруднительным.

В итоге можно констатировать, что внесенные в п. 2 ст. 67.3 ГК РФ [2] изменения не достигли цели упрощения порядка привлечения к солидарной ответственности основной компании совместно с дочерней компанией, поскольку действующая судебная практика дает весьма узкое толкование влияния основной компании на деятельность дочерней, что не соответствует современным отношениям экономической и корпоративной зависимости. В этой связи кредиторы вынуждены обращаться к иным правовым механизмам, порою даже не характерным для романо-германской правовой семьи. В частности, к англо-американской доктрине «снятия корпоративной вуали» [1].

Список литературы:

1. Батыршина К.А. Применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в условия российского права // Юрист. 2015. № 24. С. 41–45.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // – [Электронный ресурс]: – Режим доступа из СПС «КонсультантПлюс»: URL: <http://base.consultant.ru>. (Дата обращения: 03.07.2016).
3. Захаров А.Н. Привлечение основного общества к солидарной ответственности по обязательствам дочернего общества. Дисс. к.ю.н. – М., 2015.
4. Могилевский С.Д. Правовые основы деятельности акционерных обществ. – М.: Дело. 2004. С. 672.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации. Федеральный закон от 29.06.2015 № 210-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // – [Электронный ресурс]: – Режим доступа из СПС «КонсультантПлюс»: URL: <http://base.consultant.ru> (Дата обращения: 03.07.2016).
6. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // – [Электронный ресурс]: – Режим доступа из СПС «КонсультантПлюс»: URL: <http://base.consultant.ru> (Дата обращения: 03.07.2016).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 24.03.2016). // – [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru> (Дата обращения: 02.07.2016).
8. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2015 № 10 АП-5532/2015 по делу № А41-12726/15. // – [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru> (Дата обращения: 02.07.2016).
9. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2015 № 17АП-12956/2015-АК по делу № А60-10095/2015. // – [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru> (Дата обращения: 02.07.2016).
10. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 11.05.2016 № 02АП-2323/2016 по делу № А17-3495/2015. // – [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru> (Дата обращения: 02.07.2016).

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В СРЕДНИХ ШКОЛАХ ГОРОДА САРАТОВА

Смолькова Ольга Владимировна

*майор полиции, старший инспектор отделения организации
деятельности по делам несовершеннолетних Управления
на транспорте МВД России по Южному федеральному округу,
РФ, г. Краснодар*

E-mail: vanopetrov1@mail.ru

Рубцова Лариса Федоровна

*документовед кафедры уголовного, экологического права
и криминологии юридического факультета
Саратовского национального исследовательского государственного
университета, магистр права,
РФ, г. Саратов*

E-mail: l.e.r.y.1968@mail.ru

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE OF MEDIATION IN HIGH SCHOOL IN SARATOV

Olga Smolkova

*police major, senior inspector of the department of organization
of the Juvenile Department of transport Russian Interior Ministry
in the Southern Federal District,
Russia, Krasnodar*

Larisa Rubtsova

*record Manager the Department of Criminal, Environmental Law
and Criminology, Faculty of Law of the Saratov State National Research
University, LL.M,
Russia, Saratov*

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является поиск способов преодоления некоторых проблемных моментов, сопровождающих внедрение института медиации в средних школах города Саратова. Для достижения указанной цели применялись методы как эмпирического,

так и теоретического уровня. Результатом данного исследования является формулирование инновационных предложений, направленных на минимизацию негативных проявлений внедрения института медиации в деятельность средних школ города Саратова. Выводы, сформулированные авторами, указывают на высокую общественную значимость исследуемых проблем.

ABSTRACT

The aim of this work is to find a way to overcome some of the problematic issues that accompany the introduction of mediation in secondary schools in the city of Saratov. To achieve this goal used methods such as empirical and theoretical level. The result of this study is to formulate innovative proposals aimed at minimizing the negative manifestations of the introduction of mediation activities in secondary schools of the city of Saratov. The conclusions formulated by the authors point to the high social significance of the studied problems.

Ключевые слова: медиация, школа, внедрение, суд, гражданские.

Keywords: mediation, the school, the implementation of the court, civil.

Институт медиации вполне способен оказаться востребованным не только лишь в сфере разрешения отдельных категорий гражданско-правовых споров. С использованием многочисленного и не востребованного в надлежащей степени потенциала медиаторов возможным становится и оперативное, справедливое и ответственное урегулирование общественных отношений, складывающихся при предоставлении образовательных услуг среднего образования. Среднее образование на территории города Саратова, также не является исключением из этого утверждения.

Не все российские ученые в настоящее время полностью согласны с авторами в том, что образовательная деятельность, в том числе и по предоставлению среднего основного образования и среднего общего образования – должны считаться услугами [8, с. 110]. Данный довольно сложный вопрос касается определения сферы развития российских политических и экономических приоритетов. В силу свойственной этому аспекту общественных отношений неоднозначности в трактовке разными авторами, авторы полагают необходимым выделить его за рамки данной статьи, планируя возвратиться к более подробному исследованию и изложению его результатов в дальнейших научных публикациях.

Считая предоставление среднего общего и среднего основного образования услугами, закономерным становится распространение

на процесс ее предоставления действия Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [6, с. 2]. Связано это с тем, что общественные отношения, связанные с предоставлением услуг, регулируются, в том числе и нормами ГК РФ. В частности, ст. 779 ГК РФ, именуемая «Договор возмездного оказания услуг» [2, с. 4], в значительной степени коррелирует с образовательной услугой, оказываемой в сфере общего среднего и основного среднего образования в условиях современной Российской Федерации. Сложности здесь возникают в трактовке понятия «возмездное», имеющегося в ст. 779 ГК РФ. Для самих обучающихся в школе и их родителей в Российской Федерации предусмотрена официальная бесплатность получения такого образования. Вместе с тем, бесплатного выполнения никаких работ не может быть в принципе. Работа по предоставлению возможности обучающимися лицами получить среднее общее и среднее основное образование, в конечном итоге, финансируется за счет бюджета соответствующего уровня. Источником поступлений в указанный бюджет являются и поступления, полученные от налогов, в том числе и от родителей и законных представителей обучающихся лиц.

В сложившейся ситуации можно предположить несколько возможных вариантов развития событий, связанных с дальнейшим совершенствованием структуры и собственно содержания правового поля, касающегося возможности распространения медиации на комплекс общественных отношений, связанных с предоставлением образовательных услуг среднего общего и среднего основного образования.

Одним из таких вариантов можно назвать инициирование соответствующим компетентным и правомочным лицом процедуры рассмотрения Верховным Судом РФ на заседании Пленума высшего российского судебного органа вопроса о порядке применения положений, содержащихся в статье 779 ГК РФ, применительно к образовательным услугам среднего общего и среднего основного образования. Теоретически возможно предположить и об установлении в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ однозначно выраженной заведомой невозможности такого толкования. В любом случае, всякое толкование Пленумом Верховного Суда РФ подобного сложного случая окажет огромное воздействие не только на констатацию особенностей правового режима подобных общественных отношений, но и на формирование общественного мнения по данному неоднозначно оцениваемому в российском обществе вопросу, имеющему

политическое и экономическое значение. При комплексном анализе такой перспективы можно обратить внимание на мнение Т.А. Дураева. С точки зрения Т.А. Дураева, «правовые позиции Конституционного Суда РФ имеют общеобязательный, официальный характер, по юридической силе равной нормам Конституции РФ» [4, с. 10]. С данной точкой зрения Т.А. Дураева согласны далеко не все российские ученые-конституционалисты, тем не менее, не поддерживая и не оспаривая ее по существу, можно предположить и потенциальную возможность ее продолжения. В принципе, значение Постановления Пленума Верховного Суда РФ по конкретному рассмотренному вопросу также довольно сложно однозначно определить. Конечно, Постановления Конституционного Суда РФ обладают приоритетом по сравнению с Постановлениями Пленума Верховного Суда РФ.

Формально, в условиях Российской Федерации в современном правовом поле отсутствует признание актуальности судебного прецедента. Это мнение можно отнести и к Постановлениям Пленума Верховного Суда РФ. Однако, фактически отношение и судей, и иных лиц, применяющих нормы права в своей деятельности, как правило, свидетельствуют о высокой степени вероятности использования положений, отраженных в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, в их практической деятельности.

С вынесением подобного Постановления Пленума Верховного Суда РФ значительная степень определенности будет внесена и в трактовку содержания правовой нормы, указанного российского федерального закона о процедуре медиации, о применении института медиации к таким общественным отношениям. При необходимости, по вопросу об анализе практики применения судами Российской Федерации федерального закона о процедуре медиации, также возможно предположить актуальность инициирования процедуры принятия Пленумом Верховного Суда РФ подобного постановления.

Вторым вариантом поиска выхода в сложившейся ситуации можно назвать внесение законодателем соответствующих (актуальных) корректив в подвергнутые выше анализу источники российского национального законодательства. Для качественного подготовительного этапа, во временном отношении, несомненно, предшествующему принятию надлежащего решения российским законодателем, можно предложить широкое обсуждение сформулированной проблемы. Положительно зарекомендовали себя общественные обсуждения законопроектов. Похожую процедуру, по мнению авторов, вполне целесообразно осуществить и применительно к обсуждению указанных выше предложений о совершенствовании некоторых положений

современного действующего российского национального законодательства и (или) практики его применения. Инициатором проведения такой процедуры может явиться самый разнообразный субъект, имеющий соответствующий объем правомочий. Особый интерес такая инициатива может вызвать непосредственно у представителей самой обучающейся российской молодежи. Они, несомненно, также являются членами современного российского общества, причем, порой, весьма активными. При этом, они, фактически, составляют будущее России. Особенности развития современных коммуникационных и информационных технологий, наряду с их доступностью для такой молодежи, предоставляют возможность в максимальной степени достигнуть при этом социально-полезного результата. В результате практической реализации предлагаемых авторами инновационных изменений велика вероятность исключения в будущем ситуаций, похожих на ту, невольным свидетелем которой довелось волею случая стать авторам статьи. Несколько слов об этой неординарной ситуации. На проходившей 6 декабря 2015 года на юридическом факультете Саратовского государственного университета секции конференции на тему «Идеологии глазами молодых», одна из выступавших школьниц 11 класса одного из учебных заведений, весьма подробно описала свою небольшую историю. В ней содержалось довольно сложное и неоднозначно воспринимаемое повествование о проблемном характере отношений школьников данного учебного заведения с ее учителями. Учитывая, что мероприятие было организовано кафедрой политологии по итогам прошедшей III областной олимпиады по политологии, обсуждение сообщения школьницы прошло весьма оживленно. Вместе с тем, данная школьница учится на территории исторического центра города Саратова. Соответственно, оглашенные в ее выступлении проблемные моменты актуальны для многих. Не вдаваясь в степень соответствия описания истории, сообщенной данной школьницей, фактической действительности, как и, не анализируя ее соответствие содержанию норм Федерального закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) [7, с. 1], можно предположить актуальность проведения, как минимум, медиативных процедур в указанном учебном заведении.

Не всегда положительный эффект в урегулировании образовательных отношений могут дать только лишь радикальные меры кадрового характера. Например, увольнение в середине 2015/16 учебного года директора Лицея № 3 имени А.С. Пушкина города Саратова канд. пед.

наук Денисовой Т.А. Темой ее диссертационного исследования была: «Системно-синергетический подход к гуманизации обучения школьников: На материале предметов естественно-математического цикла» [3, с. 1]. Сложно судить, исключаются ли подобные ситуации и после увольнения председателя комитета по образованию муниципального образования «Города Саратов» Ирины Архиповой, произошедшей 15 декабря 2015 г. [5, с. 1].

В любом динамично и комплексно развивающемся сегменте общественных отношений с определенной периодичностью могут проявляться проблемные ситуации разной степени остроты. Сфера среднего общего и среднего основного образования в городе Саратове также не может быть здесь каким-либо исключением. Перед обществом, как минимум, города Саратова, несомненно, стоит задача способствовать поиску путей конструктивного выхода из всех подобных ситуаций. Выхода с соблюдением прав и свобод человека и гражданина, с учетом множества иных факторов. Большое значение в данной деятельности может иметь и внедрение в практику урегулирования подобных конфликтных ситуаций комплекса медиативных процедур. Для этого, как минимум, востребованным является совершенствование правовой базы и (или правовых отношений), рассматриваемых выше. В конечном итоге такое повышение качества правового пространства способно оказать позитивное влияние на формирование и развитие правового государства в Российской Федерации [1, с. 26].

Список литературы:

1. Вестов Ф.А., Фаст О.Ф. Правовое государство: теоретическое проектирование и современная политическая практика: монография / под. ред. Н.И. Шестова. – М.: Проспект, 2015. 256 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // «Российская газета», № 23, 06.02.1996, № 24, 07.02.1996, № 25, 08.02.1996, № 27, 10.02.1996, № 111, 25.05.2016.
3. Денисова Т.А. Системно-синергетический подход к гуманизации обучения школьников: На материале предметов естественно-математического цикла»: Диссерт. ... канд. пед. наук Спец.: 13.00.01: общая педагогика, история педагогики и образования. – Саратов, 2003. – 241 с. // Российская государственная библиотека [Сайт]: // – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://dlib.rsl.ru/01002332152> (Дата обращения: 17.12.2015 г.).

4. Дураев Т.А. Свобода передвижения в доктрине Конституционного Суда Российской Федерации: Автореф. дисс. ... к.ю.н. Спец.: 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право. – Саратов, 2007. – 25 с.
5. Кадровые изменения в администрации города Саратова // Администрация муниципального образования «Город Саратов». Официальный сайт. [Сайт]: // – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.saratovmer.ru/news/2015/12/15/39998.html> (Дата обращения: 17.12.2015 г.).
6. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) // «Российская газета», № 168, 30.07.2010; № 148, 10.07.2013; № 163, 26.07.2013.
7. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // «Российская газета», № 303, 31.12.2012; № 151, 12.07.2016.
8. Шошин С.В. Проявления неестественного монополизма российского высшего образования: проблемы законотворчества и правоприменения // Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения: Материалы международной научно-практической конференции (г. Уфа, 29 апреля 2009 г.): В 3 ч. Ч. 1: Государственно-правовые и международно-правовые проблемы. – Уфа, 2009. – С. 110–116.

СЕКЦИЯ

«КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО»

СТОЙКАЯ НЕСПОСОБНОСТЬ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ ПОЛНОМОЧИЯ

Алборова Светлана Суликоевна

*канд. юрид. наук, юрисконсульт, помощник заместителя
главы администрации,
РФ, г. Краснодар,
E-mail: s.alborova@list.ru*

ABSOLUTE INABILITY OF HEAD OF THE STATE TO EXERCISE OWN POWERS

Svetlana Alborova

*candidate of Legal Sciences, Legal Counsel,
Assistant of Administration Deputy Head,
Russia, Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

В статье проведен сравнительно-правовой анализ одного из оснований досрочной президентской вакансии. Автор отмечает отсутствие законодательной регламентации стойкой неспособности главы государства осуществлять принадлежащие полномочия и предлагает возможную процедуру реализации указанного основания.

ABSTRACT

In the article the comparative and legal analysis of one of the grounds for an early presidential vacancy is carried out. The author indicates the legislative regulation absence of persistent inability of head of the state to exercise presidential powers and offers a possible procedure for the mentioned grounds implementation.

Ключевые слова: президент; конституция; досрочное исполнение полномочий.

Keywords: president; constitution; early exercise of powers.

Конституция РФ устанавливает, что Президент Российской Федерации прекращает исполнение полномочий досрочно в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия (часть 2 статьи 92 Конституции РФ) [5]. Идентификация рассматриваемого основания досрочного прекращения президентских полномочий представляется наиболее сложной не только в силу процессуальных составляющих, практически отсутствующих, но и в виду неопределенности самого материального основания – состояния здоровья

Мировая практика изобилует примерами выполнения обязанностей главы государства лицами, страдающими серьезными физическими заболеваниями, без заметного ущерба для государственной деятельности. Как свидетельствует зарубежный опыт, государствами управляли люди и с бездействующими в результате перенесенного полиомиелита ногами, и с повышенным артериальным давлением (Франклин Рузвельт), и с серьезными сердечно-сосудистыми проблемами, и после перенесения серии инфарктов (Авраам Линкольн, Дуайт Эйзенхауэр, Шарль де Голь, Гамаль Абдель Насер), тромбозом (Ричард Никсон) и даже онкологическими заболеваниями (Гроувер Кливленд, Жорж Помпиду, Рональд Рейган, Франсуа Миттеран) [2, с. 55]. Причем сомнений в их деловой и должностной состоятельности практически не возникало.

Е.И. Чазов на вопрос о том, какие именно болезни могут препятствовать исполнению высших государственных должностей, указывает на те, которые ограничивают аналитическое мышление. «Это обычно нарушение мозгового кровообращения, атеросклероз сосудов мозга, сердечная недостаточность. Или, как у К. Черненко, серьезное поражение легких, что затрудняло работу всего организма. Вместе с тем, будучи физическим инвалидом, Ф. Рузвельт до последнего часа имел совершенно ясную голову. Более близкий, например – Ю. Андропов, который, несмотря на тяжелейшую болезнь почек, долго сохранял способность мыслить остро, масштабно, глубоко, перспективно» [8, с. 26]. Ясно, что это самая общая медицинская квалификация, требующая в отношении главы государства предельной конкретизации.

В научной литературе справедливо подчеркивается, что процедура реализации рассматриваемого основания досрочной президентской вакансии осталась «за бортом» конституционно-правового регулирования. В интересах непрерывности президентского

властвования полагаем, что порядок досрочного прекращения полномочий ввиду стойкой неспособности Президента Российской Федерации их осуществлять лично должен получить четкое и обстоятельное законодательное регламентирование. Как правильно отмечает С.А. Авакьян по этому поводу, «... любые неожиданности целесообразнее предусмотреть заранее» [1, с. 90].

На необходимость регламентирования вопросов недееспособности Президента России обращает внимание Конституционный Суд РФ, который в решении от 11 июля 2000 г. «По делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия» [7] указал, что досрочное прекращение исполнения Президентом Российской Федерации своих полномочий в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия требует особой процедуры с целью объективного установления фактической невозможности для Президента Российской Федерации в связи с расстройством функций организма, носящих постоянный, необратимый характер, принимать решения, вытекающие из его конституционных полномочий, либо иным образом осуществлять свои полномочия в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации. В таком случае – в силу экстраординарного характера рассматриваемого основания – волеизъявление Президента Российской Федерации может не являться обязательной предпосылкой досрочного прекращения его полномочий. По смыслу части 2 статьи 92 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с частями 1 и 3 той же статьи и частью 1 статьи 93, приведение в действие указанной процедуры допустимо лишь при исчерпании всех иных возможностей, связанных с временным неисполнением Президентом Российской Федерации своих полномочий или добровольной его отставкой.

Очевидно, что установление фактической невозможности для Президента РФ в связи с расстройством функций организма, носящих постоянный, необратимый характер, принимать решения, вытекающие из его конституционных полномочий, либо иным образом осуществлять свои полномочия в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации, может устанавливаться только медицинским образом, поскольку речь идет преимущественно о критериях медицинского характера. Ясно, что кто-то должен устанавливать факт физической несостоятельности первого лица государства и этот кто-то должен иметь официальный публичный статус. В зарубежных странах

недееспособность главы государства обычно констатирует медицинская комиссия, образуемая парламентом и имеющая статус «государственной». Само же решение о «дисквалификации» главы государства, как правило, принимает парламент путем использования специальных парламентских процедур, повышающих степень убедительности парламентского решения – совместное заседание палат, квалифицированное большинство.

Попытки законодательного регламентирования вопросов установления стойкой неспособности Президента РФ предпринимались неоднократно. В Государственную Думу было внесено несколько законопроектов, так и не ставших законами.

Полагаем, что стойкая неспособность главы государства по состоянию здоровья исполнять полномочия должна быть установлена заключением Государственной медицинской комиссии. Государственная медицинская комиссия, образуемая обеими палатами Федерального Собрания, члены которой назначаются Государственной Думой Федерального Собрания из числа кандидатур, предлагаемых депутатскими объединениями в Государственной Думе, а также Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации из числа кандидатур, предлагаемых законодательными (представительными) органами и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. К требованиям, предъявляемым к членам медицинской комиссии, следует отнести: высшее медицинское образование либо ученую степень в области медицины, а также стаж работы по специальности не менее 5 лет.

Инициатором проведения медицинского обследования главы государства может быть Государственная Дума либо Совет Федерации Федерального Собрания РФ. Основанием к этому может являться факт длительной болезни, неисполнение полномочий Президента полностью или частично в течение длительного периода времени (2 месяца).

С.Г. Колбая полагает, что «с инициативой проведения медицинского освидетельствования может выступить сам глава государства» [4, с. 68]. Автор, однако, не усматриваем в этом юридического смысла: если глава государства чувствует свою неспособность по состоянию здоровья исполнять конституционные полномочия, он может подать в отставку, которая, может диктоваться любыми вынуждающими обстоятельствами, в том числе состоянием здоровья. Поэтому признание стойкой неспособности Президента по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия может осуществляться лишь вопреки его воле, подобное основание досрочного прекращения президентских полномочий предполагает

принудительное отстранение главы государства от занимаемой должности.

В случае отказа Президента Российской Федерации от врачебного обследования Государственная медицинская комиссия выносит заключение о состоянии Президента на основании фактических данных, представленной медицинской документации.

По окончании обследования Государственная медицинская комиссия РФ выносит заключение о наступлении стойкой неспособности Президента РФ осуществлять свои полномочия либо об отсутствии такой неспособности.

Заключение Государственной медицинской комиссии далее направляется в Конституционный Суд Российской Федерации, который выносит окончательное решение по вопросу досрочного прекращения полномочий Президента Российской Федерации в связи со стойкой неспособностью по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия, с учетом соблюдения всех конституционных требований, установленных законом для данного основания досрочной президентской вакансии. Решение Конституционного Суда РФ подлежит обязательному обнародованию. Исполнение полномочий Президента при установлении Конституционным Судом РФ юридического факта стойкой неспособности их личного исполнения автоматически переходит к Председателю Правительства РФ.

Участие Конституционного Суда в рассматриваемой процедуре будет обеспечивать соблюдение установленного порядка признания Президента РФ недееспособным, гарантировать объективность и законность процесса.

Юридическая констатация этого факта Конституционным Судом автору представляется необходимой и в силу возможности фальсификации медицинского заключения.

Заметим, что схема участия Конституционного Суда в процедуре признания должностного лица недееспособным в прошлом имела конституционное закрепление. Конституция РСФСР (РФ) 1978 г. 21 апреля 1992 г. была дополнена статьей 165-1, в соответствии с которой Конституционный Суд был полномочен давать заключение о наличии у соответствующего федерального должностного лица стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять связанные с его должностью полномочия – по представлению государственной медицинской комиссии [6].

Участие Конституционного Суда в досрочном прекращении полномочий Президента по рассматриваемому основанию предусмат-

ривалось и в конституционных проектах, подготовленных Конституционной комиссией. Факт недееспособности Президента России устанавливал именно Конституционный Суд. В проекте от 24 октября 1991 г. указывалось об исполнении вице-президентом РФ обязанностей Президента РФ, в частности, в случае установления Конституционным Судом РФ неспособности Президента продолжать осуществление своих полномочий (п. «б» ч. 3 ст. 100) [3, с. 592].

Список литературы:

1. Авакян С.А. Досрочное прекращение полномочий Президента РФ: проблемы, требующие юридического решения // Законодательство. – 1999. – № 3. – С. 90.
2. Иванян Э. Президенты: уроки мировой истории // Российская Федерация. – 1996. – № 3. – С. 55.
3. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) в 6 т. Т. 2: 1991 год [под общ. ред. О.Г. Румянцева.] – М., 2008. – С. 592.
4. Колбая С.Г. Срок полномочий Президента: конституционно-правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 68.
5. Конституция Российской Федерации, 1993 года // – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 17 июля 2016).
6. Конституция РСФСР 1978 года // – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://constitution.garant.ru/> (Дата обращения 19 июля 2016 г.).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2000 г. № 12-П «По делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия // – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://constitution.garant.ru/> (Дата обращения 20 июля 2016 г.).
8. Чазов Е.И. Здоровье высшей власти и судьба страны // Российская Федерация сегодня. – 2001. – № 5. – С. 26.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ФЕДЕРАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЫ РФ

Обиднов Артем Алексеевич

*аспирант кафедры государственного (конституционного) права
юридического Факультета
ФГАО ВО «Южный федеральный университет»,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: artobi.ao@gmail.com*

CONSTITUTIONALLEGAL REGULATION OF RELATIONS WITH THE FEDERAL TAX SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Artem Obidnov

*the post graduate of the Department of State (constitutional) Law
Department "Southern Federal University",
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена конституционно-правовому регулированию отношений с участием Федеральной Налоговой службы. Целью данной статьи является попытка комплексного анализа законодательства Российской Федерации в сфере налогообложения, в частности Конституции РФ, Налогового кодекса РФ.

ABSTRACT

The purpose of this article is an attempt to analyze the legislation of the Russian Federation in the field of taxation. As part of the research produced will be made an analysis of the Russian Constitution, the Russian Tax Code.

Ключевые слова: налоговые отношения, обязанность платить налоги.

Keywords: tax relations, the obligation to pay taxes.

Существование государства на протяжении веков подкреплялось функцией взимания налогов, без которых само существование государства невозможно. От налогов зависит развитие государства, его

экономическое процветание, возможности обеспечения социальной защитой граждан, организация порядка и защита от внешних угроз.

Резкий переход российской экономики на рыночную вызвал необходимость в законодательной и юридической регламентации налоговых, финансовых и, в общем, экономических отношений. Новизна постановки вопроса и потребности в быстрой выработке законодательной, регламентирующей налоговые отношения базы потребовал обращения к зарекомендовавшим себя с положительной стороны международным источникам и к зарубежным примерам, к вековому опыту стран с развитой рыночной экономикой.

Обязанность платить налоги регулируется Конституцией РФ и налоговым законодательством РФ. Отражена эта обязанность и в международных документах.

Новая налоговая система Российской Федерации возникла в переходный период в истории России. В 1990 г. она подготовила переход к новой рыночной экономике. В это время появились новые законы в налоговой сфере: «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [1], «О налоге на прибыль предприятий и организаций» [2], и др.

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года стала основным источником правового регулирования, налоговой системы РФ, основой для развития налогового законодательства, выработки новой налоговой политики и общих принципов налогообложения, механизма защиты налоговых прав и разрешения налоговых споров в суде.

Обязанность платить налоги выступает как одна из немногих, но важных и неукоснительных обязанностей российских граждан. Например, статья 57 Конституции РФ указывает, что «Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы» [3].

Около 20 статей Конституции Российской Федерации имеют прямую или косвенную связь с налогами, или связаны с вопросами регулирования общественных и гражданских, в том числе и налоговых отношений в государстве [3].

Указанная в статье 7 Конституции РФ характеристика Российской Федерации как социального государства «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [3], и в котором «охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии,

пособия и иные гарантии социальной защиты» [3] эти конституционные положения требуют обязательного материального обеспечения, необходимость черпать из постоянного и надежного источника, что возможно только с помощью эффективной налоговой политики государства.

Взимание налогов также должно быть не безграничным и хаотичным. Оно должно опираться на закон и соблюдать принципы законности и объективности. Именно этот вопрос вызвал спор и потребовал более четкого механизма определения и регламентации. В связи с постановкой данного вопроса было вынесено Постановление Конституционного Суда РФ, что налоги или сборы устанавливаются только законом. Налоги, взимаемые не на основе закона, не могут считаться «законно установленными» [5].

Важными для вопросов национального налогообложения являются положения Конституции РФ, закрепленные статьями 7, 8, 57, 75 [3]. Вспомогательные положения указанные в Конституции РФ, проясняющие многие вопросы, которые могут возникнуть или быть связанными и с налоговыми вопросами, и с налоговыми нормами содержат статьи 15, 34, 35, 46, 72, 74–76, 90 [3], одни из них определяют предмет ведения и предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов в сфере налогообложения; компетенция и правомочия различных органов власти в области налогов, правовой статус налогоплательщика. Все это формирует конституционные основы налоговых отношений.

Конституция РФ, определяя и устанавливая конституционную обязанность уплаты налогов, в то же время служит и ограничителем нарушения прав человека. Провозглашая права человека, Конституция Российской Федерации гарантируют защиту частной собственности, тайну личной жизни, неприкосновенности жилища, возможность судебной защиты, тем самым устанавливая определенные пределы для налоговых органов. Благодаря принципам, заложенным в Конституции Российской Федерации, в налоговых отношениях так же провозглашены принципы, вытекающие из конституционных ценностей. Это такие принципы как свобода, равенство, объективность, состязательность сторон и другие. Несмотря на закреплённость многих принципов в Конституции РФ, и в международных документах, нарушения прав человека встречаются и в Российской Федерации и в зарубежных странах. На их несоответствии, на ущемлении прав, и основываются многочисленные обращения в поисках справедливости в Европейский Суд по правам человека.

Специально для детального и более конкретного регулирования налоговых отношений, пояснения налоговых вопросов, регламентирования различных нюансов и порядка исполнения налоговых обязанностей, объяснения механизма разрешения налоговых споров предназначен Налоговый кодекс РФ, принятый 16 июля 1998 г. В статье 8 Налогового кодекса РФ дается определение налога как «обязательного, индивидуального безвозмездного платежа, который взимается с организаций и физических лиц в форме отчуждения, принадлежавших им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований» [4].

Важную роль в определении и разрешении спорных вопросов налогообложения играют постановления Конституционного Суда РФ. Полномочия Конституционного Суда РФ [5] прямо не призваны регламентировать налоговые вопросы, но на практике известны случаи рассмотрения дел по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод, а также случаи толкования Конституционным Судом РФ Конституции РФ, которые серьезно повлияли на налоговое законодательство.

Важным прерогативным источником налогового права Российской Федерации служат международные договоры по вопросам налогообложения. Например, п. 4 статьи 15 Конституции РФ закрепляет что «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [3].

Итак, налоговое законодательство Российской Федерации представляет собой широкую совокупность норм, закрепленных в международных договорах, в Конституции РФ, выработанном на основе их принципов Налоговом кодексе РФ, и в других нормативно правовых актах.

Деятельность Федеральной налоговой службы Российской Федерации очень важна и должна быть компетентной в налоговых вопросах и строго следовать источникам налогового права. Налогообложение в России пока что еще только недавно сформировалось и сейчас развивается. Точность понятий и категорий, их размытость [1], объективность при рассмотрении досудебных споров и многое другое в настоящее время требует тщательного анализа и дальнейшего

усовершенствования. Спорным остается вопрос о регламентированности, процедурах и самом процессе налогового контроля. Налоговое право России подвергается постоянному реформированию, находится в постоянном процессе усовершенствования.

Список литературы:

1. Закон «Об основах налоговой системы Российской Федерации» // – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.pravo.gov.ru> – 01.07.2016
2. Закон «О налоге на прибыль предприятий и организаций» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.pravo.gov.ru> – 01.07.2016.
3. Конституция Российской Федерации (принятая всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2016 № 2-ФКЗ) // СЗ РФ 14.04.2016, № 15, Ст. 1691.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (принят ГД ФС РФ 16.07.1998) (редакция от 23.05.2016) // – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.pravo.gov.ru> – 05.07.2016.
5. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» // – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/FCL/Pages/default.aspx> (Дата обращения: 03.07.2016).

СЕКЦИЯ

«ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БАНКРОТСТВА»

ПРОБЛЕМЫ НОРМОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ СУДОХОДСТВА, В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПЛАВУЧИХ ОБЪЕКТОВ

Подольян Диана Александровна

*преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Института водного транспорта имени Г.Я. Седова, филиала ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова», РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: podolyanda@mail.ru*

PROBLEMS OF NORM-SETTING AND ENFORCEMENT IN THE FIELD OF SHIPPING, IN CONNECTION WITH THE CHANGE OF THE LEGAL STATUS OF FLOATING OBJECTS

Diana Podolyan

lecturer of the chair of humanitarian and socio-economic disciplines of Institute of water transport named G.Y. Sedov, the branch of the "State Maritime University named Admiral F.F. Ushakov", Russia, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

Актуальность темы основывается на проблемах нормотворчества и правоприменения в сфере судоходства, с которыми столкнулся автор на практике. Статья посвящена выявленным дефектам отраслевого нормотворчества, выражающегося в недостатках систематизации,

юридико-технических недочетах, которые могут повлечь некорректность правоприменения.

ABSTRACT

The relevance of the topic is based on issues of norm-setting and enforcement in the field of shipping faced by the author in practice. This article is devoted to revealed the defects of the industry's rulemaking, as expressed in the disadvantages of systematization, legal and technical shortcomings, which may result in incorrect enforcement.

Ключевые слова: судно, плавучий объект, самоходное судно, судоходство, государственная регистрация судна, нормотворческие дефекты.

Keywords: vessel, floating object, shipping, state registration, legislative defects.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 367-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации и Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» [9, с. 7] внесены существенные изменения, касающиеся плавучих объектов. Законодатель исключил из понятия судна самоходные плавучие сооружения, якобы не являющиеся судами, и закрепил их в понятии «плавучих объектов».

При этом под плавучим объектом понимается:

- дебаркадер,
- плавучий (находящийся на воде) дом,
- гостиница,
- ресторан,
- понтон,
- плот,
- наплавной мост,
- плавучий причал,
- и другое самоходное плавучее техническое сооружение подобного рода.

Из системного толкования Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации следует, что плавучие объекты, предназначены для использования в целях судоходства на внутренних водных путях Российской Федерации, но при этом указанные объекты “de iure” не являются судами. Согласно статье 16 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации [3, с. 6] плавучие объекты подлежат учету, осуществляемому администрацией соответствующего бассейна внутренних водных путей (п. 1.2 введен Федеральным законом

от 03.07.2016 № 367-ФЗ [9, с. 7]), тогда как суда внутреннего плавания подлежат государственной регистрации в одном из судовых реестров. Следует также отметить, что до вступления в силу Федерального закона от 03.07.2016 № 367-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации и Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» [9, с. 7] перечисленные плавучие объекты признавались судами и подлежали государственной регистрации в соответствующем судовом реестре.

Факт государственной регистрации судна является одним из критериев отнесения судов к недвижимым вещам согласно гражданскому законодательству. К недвижимым вещам относятся подлежащие государственной регистрации морские суда, суда внутреннего плавания. Таким образом, судно, подлежащие государственной регистрации, является недвижимой вещью в силу прямого указания закона, что такой объект подчинен режиму недвижимых вещей (абзац второй пункта 1 статьи 130 Гражданского кодекса Российской Федерации [1, с. 6]). Исходя из вышеизложенного, плавучие объекты не подчинены режиму недвижимых вещей.

При толковании статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации Верховный Суд Российской Федерации указал, что закон устанавливает необходимость государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение в целях обеспечения стабильности гражданского оборота [7, с. 6]. На внутренних водных путях, кроме обеспечения стабильности гражданского оборота, государственная регистрация права собственности и других вещных прав на суда внутреннего плавания, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение обеспечивает решение задач безопасности судоходства, защиты окружающей среды, трудовых прав плавсостава и т. п. В настоящее время, законодательство Российской Федерации предусматривает государственную регистрацию ипотеки судна внутреннего плавания, договора аренды судна без экипажа, что позволяет определить ответственного судовладельца. «Учет» указанных плавучих объектов, до недавнего времени являющихся судами, не может в достаточной степени обеспечить выполнение поставленных задач.

Согласно статье 4 Федерального закона от 03.07.2016 № 367-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации и Федеральный закон «приватизации государственного и муниципального имущества» [9, с. 7] судовые документы, выданные до 1 января 2018 года, продолжают действовать

в течение срока, на который они были выданы. Следовательно, документы о классификации **судна**, выданные на дебаркадеры, понтоны, плавучие причалы, другие плавучие объекты действуют до окончания их срока. При этом, свидетельства о праве собственности и праве плавания под Государственным флагом Российской Федерации, являющиеся согласно статье 14 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации [3, с. 6] судовыми документами, срока действия не имеют, за исключением случаев перехода права собственности на судно. Таким образом, может сложиться ситуация, при которой одни и те же объекты будут иметь различный правовой режим.

В соответствии с частью 1.2. статьи 16 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации учет плавучих объектов осуществляется в соответствии с правилами учета плавучих объектов, установленными Министерством транспорта Российской Федерации [3, с. 6]. В настоящее время указанные правила не установлены, как и не установлены плата, размер и порядок ее взимания за учет плавучих объектов.

Не смотря на то, что правовое регулирование классификации, освидетельствования, государственного портового контроля плавучих объектов на внутренних водных путях аналогично классификации, освидетельствованию, государственному портовому контролю за судами, остается ряд вопросов по средствам идентификации плавучих объектов, а также разрешительным документам для эксплуатации плавучих объектов на внутренних водных путях Российской Федерации.

Анализ Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации [4, с. 6], позволяет сделать вывод о том, что аналогичные морские плавучие объекты (дебаркадеры, рестораны, понтоны и другие несамоходные плавучие технические сооружения подобного рода) имеют статус «судна». В соответствии со статьей 7 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации [3, с. 6] под судном понимается самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях торгового мореплавания. Постановление Правительства РФ от 12.08.2010 № 620 «Об утверждении технического регламента о безопасности объектов морского транспорта» [5, с. 6], санитарные правила и нормы «Суда внутреннего и смешанного (река – море) плавания», утвержденные Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 30.04.1998 № 16 [8, с. 7] содержат понятие стоечного судна, под которым понимаются дебаркадеры, причальные понтоны, плавучие гостиницы и т. п.

Постановление Правительства РФ от 12.08.2010 № 623 «Об утверждении технического регламента о безопасности объектов внутреннего водного транспорта» относит дебаркадеры, брандвахты, рестораны плавучие речные, причалы плавучие, понтоны речные, мосты наплавные к судам [6, с. 6].

Указанная несогласованность нормативного регулирования порождает проблемы правоприменения, нарушает системность транспортного законодательства, что в конечном итоге может повлечь ущемление субъективных прав. Как отмечено Конституционным Судом РФ в Информации от 23.06.2016 «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» [2, с. 6], такие нормотворческие дефекты, как логическая непоследовательность структуры законодательных актов, затрудняющая их системное толкование; отсутствие системности регулирования, проявляющееся в несогласованности законодательных массивов, принадлежащих различным отраслям права, но регулирующим одни и те же объекты; взаимная противоречивость нормативных конструкций, осложняют правоприменение, способствуя разномасштабным отступлениям от конституционной законности.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.07.2016 г.)
2. «Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016). // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.07.2016 г.)
3. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.07.2016 г.)
4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации. // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.07.2016 г.)
5. Постановление Правительства РФ от 12.08.2010 № 620 «Об утверждении технического регламента о безопасности объектов морского транспорта» // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.07.2016 г.)

6. Постановление Правительства РФ от 12.08.2010 № 623 «Об утверждении технического регламента о безопасности объектов внутреннего водного транспорта» // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.07.2016 г.).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.07.2016 г.).
8. Санитарные правила и нормы «Суда внутреннего и смешанного (река – море) плавания», утвержденные Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 30.04.1998 № 16. // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.07.2016 г.).
9. Федеральный закон от 03.07.2016 № 367-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации и Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.07.2016 г.).

СЕКЦИЯ

«ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Адаева Ольга Викторовна

*преподаватель кафедры правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»,
РФ, Республика Мордовия, г. Саранск
E-mail: adaeva.mgu@mail.ru*

Синякин Станислав Вячеславович

*студент юридического факультета
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»,
РФ, Республика Мордовия, г. Саранск
E-mail: sinyakin10@mail.ru*

OBJECTIVES AND FUNCTIONS OF LEGAL TRAINING

Olga Adaeva

*lecturer, Department of legal disciplines National Research
Mordovia State University,
Russia, Republic of Mordovia, Saransk*

Stanislav Sinyakin

*law student National Research Mordovia State University,
Russia, Republic of Mordovia, Saransk*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается значение правового воспитания для современного цивилизационного общества. Дается определение правовому воспитанию. Анализируются субъекты и объекты правового воспитания. Раскрывается проблема сущности правового воспитания посредством рассмотрения основных его функций и задач. Исследуется роль правового воспитания в повышении правовой культуры.

ABSTRACT

This article discusses the importance of legal education for a modern civilized society. The definition of legal education. Analyzed the subjects and objects of legal education. Reveals the problem of the essence of legal education by considering its main features and tasks. Examines the role of legal education in improving the legal culture.

Ключевые слова: правовое воспитание; правовая культура; правовое сознание; правовые знания; правовоспитательная деятельность; правомерное поведение.

Keywords: legal training; legal culture; legal consciousness; legal knowledge; right educational activity; good behavior.

В настоящее время осуществление правового воспитания достаточно актуально. Необходимо признать, что в современном обществе правовое воспитание становится общегосударственной задачей, так как показатели и правовой культуры, правовой воспитанности, уровня правосознания граждан напрямую влияют на развитие страны, в том числе на формирование правового государства. Целью правовоспитательного процесса является выработка правовых установок личности на правомерное поведение, на уважение права. Важно, чтобы каждый гражданин имел устойчивые взгляды, которые обеспечивали бы соблюдение законов. Всё это приведёт к формированию правового государства, к обеспечению правопорядка в обществе [3, с. 623].

Правовым воспитанием являются целенаправленная деятельность государства, общественных организаций, а также конкретных граждан для передачи правовой информации, юридического опыта, с целью формирования моделей поведения, направленных на соблюдение и исполнение установленных юридических норм. Эффективность правового воспитания проявляется в способности реально и положительно воздействовать на поведение личности, стремлении обеспечить усвоение гражданами определенных правовых знаний. Правовое воспитание осуществляют специальные субъекты. В качестве субъектов правовоспитательной деятельности можно назвать организации, органы, уполномоченные должностные лица, педагоги, ученые, учителя, родители и другие. К объекту воспитания относят отдельных граждан или определённые группы населения [1, с. 550].

С помощью правового воспитания решаются многие задачи. Главной задачей правового воспитания является выработка уважительного отношения гражданина к праву, к закону, к общечеловеческим

ценностям, а также формирования чувства убежденности в эффективности правовых норм. Необходимо отметить, что убежденность является важнейшей характеристикой индивидуального правосознания. Т.В. Худойкина отмечает, что «убежденность в необходимости соблюдения требований норм права – это не привычка, а внутренняя потребность поступать именно таким, а не иным образом» [5, с. 116].

В качестве задач правового воспитания можно выделить:

- повышение авторитета закона;
- устойчивое правомерное поведение всех граждан;
- формирование и развитие высокого уровня правосознания как основной части общественного сознания;
- формирование правовой культуры;
- воспитание чувства ответственности за свои действия перед обществом и государством.

О.А. Долгополов, рассматривая задачи правового воспитания, указывает, что оно призвано:

- вести пропаганду;
- способствовать изучению основных положений Конституции РФ;
- организовать систему работы по формированию правовой культуры, учитывающей образовательный уровень, общую культуру индивида, данной группы, общества;
- пропагандировать демократические традиции мировой цивилизации, российского опыта, теоретическое и практическое изучение непосредственной и представительной демократии;
- разъяснять и формировать толерантность, терпимость к чужому мнению, инакомыслию;
- использовать возможности средств массовой информации в целях пропаганды достижений правовой культуры с использованием свойственных им специфических возможностей.

Более конкретной и одновременно всеобъемлющей задачей правового воспитания он считает преодоление правового нигилизма и правового варварства как антиподов правового сознания и правовой культуры [2, с. 11–12].

К функциям правового воспитания относятся направления воздействия на сознание, поведение и волю человека, которые порождают необходимость осуществления правового воспитания как организованного процесса.

К основным функциям правового воспитания относятся:

- регулятивная;
- охранительная;

- познавательная;
- коммуникативная;
- идеологически-воспитательная;
- профилактическая;
- практико-прикладная;
- прогностически-эвристическая.

Среди данных функций в правовоспитательной работе ведущее значение в процессе формирования мировоззрения и понимания правовой действительности играет познавательная функция [4, с. 183].

Важной функцией правового воспитания является регулятивная функция, так как происходит воздействие на поведение всего граждан, обеспечивается работа правовой системы и создаётся фундаментальный правопорядок.

На взгляд авторов, профилактическая функция правового воспитания играет важнейшую роль в правовоспитательном процессе. Это связано с тем, что правовое воспитание должно быть направлено не только на лиц с конфликтным поведением, но и на граждан с правомерным поведением в целях профилактики [6, с. 206].

В заключении стоит отметить, что правовое воспитание – это обязательный элемент деятельности государства и общества. Благодаря правовому воспитанию у граждан формируется высокий уровень правосознания и правовой культуры. Правовое воспитание внедряет в сознание человека демократическо-правовые и моральные ценности, принципы права и стойкие убеждения в его эффективности.

Список литературы:

1. Баранов В.Н. Теория государства и права: учебное пособие. – М: Лань, 2003. – 596 с.
2. Долгополов О.А. Организация правового воспитания в современной России: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Рязань, 2004. – 24 с.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: курс лекций. – М.: Юристъ, 2001. – 761 с.
4. Стреляева В.В. Правовое воспитание в условиях становления правового государства: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 183 с.
5. Худойкина Т.В. К вопросу о выявлении характера правового сознания // Перспективы науки. – 2015. – № 11 (74). – С. 116–119.
6. Худойкина Т.В. Правовое воспитание как основной фактор предупреждения юридических конфликтов // Глобальный научный потенциал. – 2015. – № 11 (56). – С. 206–208.

СЕКЦИЯ
«ТРУДОВОЕ ПРАВО
И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ»

**РЕФОРМА ЗАЕМНОГО ТРУДА:
ПЕРСПЕКТИВЫ И НЕДОСТАТКИ**

Кургина Татьяна Викторовна

*старший преподаватель института права
Волгоградского государственного университета,
РФ, г. Волгоград*

Елисеев Алексей Михайлович

*студент 3 курса института права
Волгоградского государственного университета,
РФ, г. Волгоград
E-mail.ru: eliseev_aleksey95@mail.ru*

**REFORM CONTRACT LABOR:
PROSPECTS AND DISADVANTAGES**

Tatiana Kurgina

*senior Lecturer Law Institute, Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

Alex Eliseev

*student 3rd year Law Institute, Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются положения Федерального закона от 05.05.2014 № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которыми вносятся поправки в ряд нормативных актов, в частности в Трудовой кодекс РФ.

Анализируется так называемая реформа заемного труда путем выделения достоинств и недостатков данного законодательного нововведения.

ABSTRACT

The article deals with the provisions of the Federal Law of 05.05.2014 № 116-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”, which amends a number of regulations, particularly in the Labor Code. We analyze the so-called reform of contract labor by highlighting the advantages and disadvantages of this legislative innovation.

Ключевые слова: заемный труд, предоставление труда, частные агентства занятости.

Keywords: agency work, the provision of labor, private employment agencies.

Трудовое законодательство, в настоящее время, должно отвечать потребностям экономики, правам и интересам граждан. Законодатель обязан ответственно реагировать на изменение общественных отношений, своевременно реформировать нормативно-правовую основу. Не стал исключением и противоречивый институт заемного труда.

Согласно ТК РФ заемный труд – труд, осуществляемый работником по распоряжению работодателя в интересах, под управлением и контролем физического лица или юридического лица, не являющихся работодателем данного работника [4, с. 56]. С 1 января 2016 года вступают в силу Федеральный закон от 05.05.2014 № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, предусматривающий, в частности, изменения в ТК РФ. Во-первых, запрещается заемный труд (глава 10 ст. 56.1 ТК РФ), во-вторых, вводится новая глава 53.1 ТК РФ, регламентирующая труд работников, направляемых временно работодателем к другим физическим или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников.

Цель исследования заключается в анализе изменений трудового законодательства в сфере заемного труда, оценке перспектив и недостатков данного института.

Изначально, внесенный представителями представляющих интересы работников и профсоюзов, законопроект был направлен на полное исключение возможности использования заемного труда. Обоснованием послужили частая подмена трудовых отношений гражданско-правовыми, недостаточность гарантий защиты прав

и интересов работника, неурегулированность данного института в отечественном законодательстве.

Профсоюзы исходили из того, что разрешение заемного труда даже в минимальной форме и на любых установленных законом условиях приведет к значительному расширению его использования. Базируясь на обширном зарубежном опыте, профсоюзы отмечали о том, что использование заемного труда – это угроза для стабильных и достойных трудовых отношений, что его применение ухудшает и делает более неустойчивым положение работников, переводит значительные группы заемных работников в прекарительный (неустойчивый, некачественный сектор) [2, с. 31].

В литературе высказываются мнения о регрессивности и нецелесообразности запрета заемного труда. А. Куренной ссылается на то, что предоставление персонала запрещено или ограничено в настоящий момент времени в трёх или четырёх странах мира, к которым теперь присоединилась и Россия. Даже Намибия, приняв подобный закон в 2007 г., в 2009-м его отменила, увидев губительные последствия для своей страны. Россия же вместо того, чтобы использовать передовой международный опыт, решила повторить путь отсталой Африканской страны [2, с. 32].

Учитывая позиции правоведов по данному вопросу, международно-правовой опыт, качество законодательных изменений, можно выделить преимущества и недостатки данной реформы.

К плюсам можно отнести:

1. Подробную регламентацию института временного предоставления работников другим физическим или юридическим лицам.

Ранее подобные отношения ни коим образом не регулировались законодательно, хотя в действительности имели достаточно широкое распространение. Отсутствие регулирования соответственно приводило к злоупотреблениям и ущемлениям прав и интересов работников. Федеральный закон от 05.05.2014 № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации дополняет ТК РФ главой 53.1 «Особенности регулирования труда работников, направляемых временно работодателем к другим физическим или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников» [5, с. 5] нормативно закрепляющей данные отношения.

2. Повышение правовой защищенности и гарантированности прав и интересов работников.

Сохранение за физическим лицом, направляемым на работу к юридическому лицу в рамках договора о предоставлении персонала,

статуса работника у его непосредственного работодателя, то есть работнику будут обеспечены все социальные гарантии, компенсации и льготы, которые предусмотрены ТК РФ и иным соответствующим законодательством.

3. Создание правовой базы для борьбы с недобросовестными работодателями.

Введены критерии аккредитации агентств занятости, что означает невозможность работы так называемых компаний – однодневок. Аккредитация поможет защитить права работников, навести порядок на кадровом рынке, на котором останутся только опытные компании, и исключить ситуации, когда направление персонала используется с целью ухода от уплаты страховых взносов.

Регламентированы условия, касающиеся ответственности сторон возникающих правоотношений. Во-первых, принимающая сторона несет субсидиарную ответственность по обязательствам направляющей стороны перед предоставляемыми работниками, включая выплату заработной платы и иных выплат, причитающихся работнику. Во-вторых, направляющая сторона обязана обеспечивать направляемому работнику условия оплаты труда не хуже, чем условия оплаты труда работников принимающей стороны, которые выполняют идентичные функции. Помимо основных вопросов, отраженных в Федеральном законе от 05.05.2014 № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», стоит обратить внимание на то, что в нем четко указано, кто является ответственным за расследование несчастного случая с «временным» работником. Полагаем, что законодатель сделал логичный вывод и возложил ответственность на принимающую сторону. При этом отметим, что в рассматриваемом законе не прописано, на какую из сторон будут возложены вопросы, смежные с возникновением несчастного случая. Однако логично предположить, что все, что касается произошедшего несчастного случая (уведомление ФСС России, составление акта по форме Н-1 и т. д.), должна осуществлять принимающая сторона [6, с. 21].

Среди недостатков следует выделить:

1. Понятийная неопределенность и фактическая идентичность заемного труда и предоставления персонала.

Последняя версия законопроекта «о запрете заемного труда» (принятая в двух чтениях за один день в Госдуме), видимо, как стало принято после закона о РАН, к счастью для российского рынка труда, отличается от совершенно одиозной первой. Как выяснилось по ее прочтении, авторам категорически не нравился термин «заемный

труд», который данным законом запрещается, чему, кстати, посвящен отдельный пункт. (Как будто кто-то раньше этот неведомый заемный труд разрешил). Поскольку в формулировке разрешаемого «предоставления труда работников» особые отличия от понятия заемного труда не усматриваются, то тут, видимо, каждый будет искать свои смыслы, что, в целом, в российском законотворчестве не ново. Идентичность этих двух понятий может привести к возникновению проблем у бизнеса при правоприменении в данной сфере, а контролирующие органы не прочь будут воспользоваться предложенной им депутатами коррупционной схемой [3, с. 2].

2. Ограничение максимального срока предоставления персонала.

В случае расширения производства или объема предоставляемых услуг срок работника ограничивается девятью месяцами, что является необоснованным и противоречит сложившейся практике как на мировом, так и на национальном уровне. Например, многие масштабные проекты (газовый проект «Ямал-СПГ», подготовка к Олимпийским играм, к чемпионату мира по футболу и др.) рассчитаны на долгий срок и не могут быть ограничены девятью месяцами по экономическим соображениям. Справедливости ради данный срок можно было бы продлить.

3. Необоснованное ограничение в предоставлении персонала.

После вступления в силу Федерального закона от 05.05.2014 № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, предоставление персонала не может осуществляться, во-первых, для замены участвующих в забастовке работников у принимающей стороны. Во-вторых, для выполнения работ в случае простоя (временной приостановки работ принимающей стороной), осуществления процедуры банкротства принимающей стороны, введения принимающей стороной режима неполного рабочего времени в целях сохранения рабочих мест при угрозе массового увольнения работников принимающей стороны. В-третьих, замены работников принимающей стороны, отказавшихся от выполнения работы в случаях и в порядке, которые установлены трудовым законодательством, в том числе замены работников, временно приостановивших работу в связи с задержкой выплаты им заработной платы на срок более 15 дней [1, с. 25].

Из вышеуказанного можно сделать вывод о том, что идея реформирования института заемного труда, безусловно, представляет собой прогрессивный шаг, но ее законодательное воплощение требует серьезной корректировки и испытания временем.

Список литературы:

1. Дингин А. // «Условия оплаты труда предоставленных работников должны быть не хуже, чем работников заказчика» 12.12.2014. – [Электронный ресурс] – Режим доступа // URL: http://www.delo-press.ru/articles.php?n=17336&spphrase_id=634382. С. 25 (Дата обращения 21.06.2016 г.).
2. Куренной А., Банцекина О., Герасимова Е., Копосов В., Доброхотова Е., Молчанова О., Слепов А., Голиков А., Степанов В., Кривой Я., Царева С., Кузнецов Д., Иванов В., Елаев А. Засмный труд: За и против // Закон. 2014. № 5. С. 20–38.
3. Маргулис М. // Комментирует генеральный директор кадрового агентства «1000 Кадров» 25.04.2014. – [Электронный ресурс] – Режим доступа // URL: http://www.hrmaximum.ru/news/the_borrowed_work. С. 2 (Дата обращения 21.06.2016 г.).
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. От 03.07.2016) – [Электронный ресурс] – Консультант Плюс Режим доступа // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ С. 56 (Дата обращения 21.07.2016 г.).
5. Федеральным законом от 05.05.2014 № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» – [Электронный ресурс] Консультант Плюс Режим доступа // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162598/ С. 5 (Дата обращения 21.06.2016 г.).
6. Шестакова Е. // Налоги и право. 22.04.2014. – [Электронный ресурс] – Режим доступа // URL: <http://lawedication.ru/zapret-zaemnogo-truda.html> С. 21 (Дата обращения 21.06.2016 г.).

СЕКЦИЯ

«УГОЛОВНОЕ ПРАВО»

ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НАРКОТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Идрисов Наиль Талгатович

*канд. юрид. наук, доц. кафедры уголовного права и криминологии
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»,
РФ, г. Самара
E-mail: nail070@mail.ru*

PERIODS OF LAW DEVELOPMENT ABOUT CRIMINAL DRUG OFFENCES IN NATIONAL CRIMINAL LAW

Nail Idrisov

*phD in Law, Assistant Professor Of Criminal Law and Criminology Samara
National Research University,
Russia, Samara*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению истории развития правового регулирования ответственности за незаконный оборот наркотических средств в России. Целью научного исследования выступает выделение периодов развития уголовного законодательства в сфере установления ответственности за совершение наркотических преступлений и выявление наиболее характерных черт каждого из них. По результатам проведенного исследования автор выделяет три этапа развития, характеризуя каждый из них в отдельности и отмечая поступательное преемственное развитие правового регулирования.

ABSTRACT

Article is dedicated to the investigation of criminal drug law development in Russia. The goal of scientific research is to form criminal law periods of giving penalty for committing drug offences and show their special features. As a result of investigation author divides three periods, giving every period its own characteristic and admitting their continuity.

Ключевые слова: наркотические преступления; советское уголовное право; уголовный кодекс РСФСР; преемственность уголовного права; незаконный оборот наркотических средств.

Keywords: drug offences; soviet criminal law; Criminal Code of Soviet Union; continuity of criminal law; illegal drug trafficking.

Исследование истории уголовно-правового регулирования наркотических преступлений в настоящее время приобретает все более существенное значение, поскольку наблюдается возврат к институтам советского уголовного права, к которым относятся: введение наказаний, связанных с трудовым воздействием; введение составов с административной преюдицией; законодательными инициативами по криминализации потребления наркотических средств и др.

Актуальность вопроса подтверждается тем, что 5 февраля 2016 года Законодательным Собранием Кировской области был подан законопроект о введении уголовной ответственности за потребление наркотических средств. В соответствии с данным законопроектом [5] предлагается ввести в УК РФ статью 228.5 УК РФ «Неоднократное потребление наркотических средств, психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ». Статистические данные, отраженные в пояснительной записке к данному законопроекту, подтверждают неэффективность применения административной ответственности за потребление наркотических средств, применение уголовной ответственности может изменить ситуацию. Следует отметить, что ранее в период возникновения и развития правовой регламентации наркотических преступлений данные институты существовали. В связи с чем, для оценки обоснованности существующей концепции уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств изучение истории правовой регламентации наркотических преступлений необходимо.

В отечественной уголовно-правовой доктрине принято считать, что первые законодательные предписания, регламентирующие основания привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, возникли во времена советской России.

Действительно, при обращении к дореволюционной литературе мы обнаруживаем, что обществом не осуждались действия с наркотическими средствами [7, с. 51]. Как указывает Б.Ф. Калачев, в XIX веке в России начинают лечить зависимых от алкоголя опиумом, этот препарат как лекарственное средство пропагандируют в специальной литературе [6].

Однако уже в первой половине XX века распространение наркотических средств среди населения стало признаваться угрозой охраняемым законом правам и интересам общества и государства. В связи с чем, весь период развития правового регулирования ответственности за незаконный оборот наркотических средств следует разделить на периоды действия соответствующих уголовных кодексов.

Первым кодифицированным уголовным законом в советской России и первым этапом развития правового регулирования стал период действия Уголовного Кодекса РСФСР 1922 года. Данный нормативно-правовой акт отличался высоким уровнем юридической техники, но не предусматривал отдельной статьи или группы статей, регулировавших ответственность за незаконный оборот наркотических средств.

Отсутствие самостоятельного правового регулирования ответственности за наркотические преступления компенсировалось широким применением статьи 139 УК РСФСР 1922 года, так как согласно ст. 10 УК РСФСР 1922 года в советском уголовном праве признавалось законным применение уголовного права по аналогии.

Статья 139 УК РСФСР 1922 года имела следующее содержание: «Скупка и сбыт в виде промысла продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение, карается лишением свободы на срок не ниже шести месяцев с конфискацией имущества и запрещением права торговли».

Состав статьи 139 УК РСФСР 1922 года был помещен в главу 4 «Преступления хозяйственные», следовательно, видовым объектом преступления являлись хозяйственные отношения.

Термин «хозяйство» понимается в советском праве в разных аспектах. С одной стороны, термин «хозяйство» употребляется как синоним термину «производство» [8, с. 8]. Более подходящим для целей определения объекта ст. 139 УК РСФСР 1922 года, на наш взгляд, является определение хозяйственных отношений как общественной формы хозяйственной деятельности. Эта деятельность может выражаться в производстве товаров либо в продвижении их от производителей к потребителям, в оказании услуг за вознаграждение, в совершении действий, направленных на удовлетворение собственных потребностей [4, с. 109].

Непосредственным объектом преступления являются отношения в сфере установленного порядка производства, продвижения и удовлетворения потребностей потребителей в наркотических средствах (медицинское потребление). Предметом данного преступления признаются только те продукты, материалы и изделия, оборот которых ограничен получением специального разрешения.

Объективная сторона данного деяния заключалась в скупке и сбыте запрещенных веществ в виде промысла, то есть систематическом осуществлении указанной преступной деятельности, средства от которой являлись единственным или основным источником дохода преступника.

Преступление, предусмотренное статьей 139 УК РСФСР 1922 года, могло быть совершено только умышленно, то есть в случае если лицо предвидело последствия своего деяния и желало их наступления или сознательно допускало их наступление. Ответственность за данное преступление наступала для лиц, не страдающих душевной болезнью и достигших возраста 14 лет.

Дальнейшее развитие уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, связано с принятием совместного Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 22 декабря 1924 года «О дополнении Уголовного Кодекса статьей 140-д». Законодателем статья была закреплена в главе 4 УК РСФСР 1922 года, в связи с чем, объект наркотических преступлений не был изменен.

Следует отметить, что в результате указанных изменений в 1924 году наркотические преступления получили самостоятельное правовое регулирование, объективная сторона состава наркотического преступления была подробной и признавала наказуемость изготовления и хранения с целью сбыта, сбыта опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ, без надлежащего разрешения, промысла, содержания притонов для употребления одурманивающих веществ.

Под изготовлением одурманивающих веществ понимался процесс создания наркотика, причем как химического, так и растительного происхождения. Хранение одурманивающих веществ представляло собой длящееся преступление, связанное с нахождением вещества у виновного исключительно с целью последующего сбыта. Аналогичным образом наказывался и сам сбыт – то есть возмездная передача одурманивающего вещества третьим лицам.

Термин «без надлежащего разрешения» позволял отграничить непреступное поведение, связанное с медицинским потреблением

одурманивающих веществ, от немедицинского преступного потребления.

Квалифицирующим признаком данного состава преступления являлся признак совершения деяния в виде промысла. В начальный период формирования советского уголовного права отсутствует четкая граница между понятиями «преступный промысел» и «рецидив». На наш взгляд, под понятием «преступный промысел» понималась та систематическая преступная деятельность, которая являлась основным или единственным источником дохода преступника.

Равным образом наказывалось и содержание притонов для целей потребления одурманивающих веществ и их сбыта. Под притоном понималось жилое и нежилое помещение (квартира, дом, гараж, сарай), систематически используемое для потребления одурманивающих веществ.

Как указывалась выше, в УК РСФСР 1922 года предусматривалась возможность аналогии в уголовном праве. В связи с чем, на практике в сфере регулирования незаконного оборота одурманивающих веществ подлежала применению также ст. 215 УК РСФСР 1922 года: «Приготовление ядовитых и сильнодействующих веществ лицами, не имеющими на то права, карается штрафом до 300 рублей золотом или принудительными работами.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что в период действия УК РСФСР 1922 года и в первый этап развития правового регулирования наркотических преступлений (1922–1926 гг.) незаконный оборот одурманивающих веществ относился к категории экономических преступлений, так как государство боролось со спекуляцией данных веществ [9].

Второй этап был ознаменован принятием УК РСФСР 1926 года и продолжался весь период его действия. В отличие от предшественника, УК РСФСР 1926 года поместил состав наркотического преступления в статье 104 главы 2 «Преступления против порядка управления».

Согласно содержанию главы 2 УК РСФСР 1926 года преступлением против порядка управления признавалось всякое действие, которое, не будучи направлено непосредственно к свержению Советской власти и Рабоче-Крестьянского Правительства, тем не менее, приводит к нарушению правильной деятельности органов управления или народного хозяйства и сопряжено с сопротивлением органам власти и препятствованием их деятельности, неповиновением законам или с иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти.

Объективная сторона данного деяния определялась по аналогии с УК РСФСР 1922 года. Статья состояла из двух частей, основного и квалифицированного составов. Предусматривалась ответственность за изготовление и хранение одурманивающих веществ с целью сбыта и их сбыт без надлежащего разрешения, а также за совершение деяния в виде промысла, содержание притонов для сбыта и потребления наркотиков.

В сравнении с УК РСФСР 1922 года изменилось наказание за совершение данных преступлений. По основному составу данного деяния санкция стала альтернативной, и теперь предусматривала возможность назначения принудительных работ. Более того, по сравнению с УК РСФСР 1922 года наказание стало более мягким. Если ранее три года лишения свободы определялось как нижний размер санкции, теперь этот срок стал максимальным наказанием.

Таким образом, правовое регулирование наркотических преступлений за исключением смягчения наказания не подлежало изменению. Осознание государством характера вреда от наркотических преступлений привело к смене официального объекта преступления с хозяйства и хозяйственных отношений на отношения, посягающие на порядок управления.

Третий этап – период действия УК РСФСР 1960 года. Данный период характеризуется существенными изменениями конструкции составов наркотических преступлений. В первую очередь, ответственность за наркотические преступления была установлена одновременно в четырех статьях УК РСФСР 1960 года, т. е. данные преступления получили детальную законодательную регламентацию. Статьи 224, 225, 226 УК РСФСР 1960 г. были перенесены в главу 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения», следовательно, был изменен объект правовой охраны, на который посягает лицо, совершившее преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств.

При сравнении статей УК РСФСР 1926 г. и УК РСФСР 1960 г. усматривается расширение диспозиции статей за счет введения новых признаков объективной стороны состава преступления.

Так, в ст. 224 УК РСФСР 1960 г. наблюдается расширение диспозиции статьи за счет включения случаев нарушения правил производства, хранения, отпуска, учета, перевозки, пересылки наркотических средств.

В ст. 225 УК РСФСР 1960 г. была установлена ответственность за посев опийного мака или индийской конопли без разрешения. Впоследствии Указом Президиума Верховного Совета РСФСР

от 3 июля 1965 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» ст. 225 УК РСФСР 1960 г. была дополнена частью второй и устанавливала ответственность за «посев южной маньчжурской или южной чуйской конопли» [1, с. 318].

В отдельную ст. 226 УК РСФСР 1960 г. была выделена ответственность за содержание притонов для потребления наркотиков. Отметим, что ранее указанное деяние считалось квалифицированным составом преступления, предусмотренным ст. 104 УК РСФСР 1926 г.

Ответственность за преступления, предусмотренные статьями 224–226 УК РСФСР 1960 г. была усилена по сравнению с предыдущими УК РСФСР. Так, согласно статье 104 УК РСФСР 1926 г. – за содержание притона для употребления и сбыта наркотических средств устанавливалась ответственность в виде лишения свободы на срок до 3 лет. Согласно УК РСФСР 1960 г. За аналогичный состав преступления, установленный в ст. 226 – ответственность в виде лишения свободы на срок до 5 лет.

Существенное различие норм УК РСФСР 1926 г. и УК РСФСР 1960 г. состояло в изменении предмета преступлений, ответственность за которые предусматривалась ст. 104 УК РСФСР 1926 г. и ст. 224 и 225 УК РСФСР 1960 г. Предметом первого являлись кокаин, опий, морфий, эфир и другие одурманивающие вещества, а последних – соответственно наркотические вещества.

В советский период по мере реализации взятых международных обязательств основной упор в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств делался на усиление средств уголовно-правового воздействия. Так, статья 224³ УК РСФСР, принятая Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 июня 1987 г., предусматривала уголовную ответственность за незаконные приобретение или хранение без цели сбыта наркотических средств в небольших размерах либо потребление наркотических средств без назначения врача, совершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения [2, с. 781–782]. Таким образом, данным актом был предусмотрен и введен первый состав наркотического преступления с административной преюдицией.

Незаконное изготовление, приобретение, хранение или сбыт сильнодействующих и ядовитых веществ были исключены из ст. 224 и помещены в новую ст. 226² УК РСФСР 1960 года, устанавливавшую ответственность за указанные деяния, а также перевозку или пересылку наркотических веществ [3, с. 238].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1974 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные

акты РСФСР» Уголовный кодекс РСФСР 1960 года был также дополнен статьями: ст. 2241 (хищение наркотических веществ); ст. 2242 (склонение к потреблению наркотических веществ); ст. 2261 (организация или содержание притонов для потребления наркотических веществ или предоставление помещений для тех же целей).

Частью 2 ст. 225 был введен квалифицированный состав за совершение аналогичных действий, совершенных повторно или лицом, ранее совершившим одно из преступлений, предусмотренных частями первой и второй статьи 224, статьями 2241, 2242 и 2261 настоящего Кодекса. Таким образом, квалифицирующим признаком состава преступления стало признание рецидива в действиях преступника.

Усиление ответственности за наркотические преступления нашло свое отражение в том, что в соответствии с ч. 2 ст. 7 УК РСФСР 1960 г. хищение наркотических веществ с целью сбыта и хищение их при отягчающих обстоятельствах было отнесено к категории тяжких преступлений.

Согласно ч. 3 ст. 53 УК РСФСР 1960 г. запрещалось применение условно-досрочного освобождения от наказания и замены наказания более мягким к лицу, осужденному за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку или пересылку с целью сбыта или сбыт наркотических веществ при отягчающих обстоятельствах, либо за хищение наркотических веществ при отягчающих обстоятельствах.

Таким образом, в период действия УК РСФСР 1960 года правовая регламентация наркотических преступлений претерпела существенные изменения, направленные на усиление уголовной ответственности, а также стала более детальной и расширенной, позволяющей дифференцировать ответственность преступника в зависимости от обстоятельств совершения преступления. Рассмотренные нормы ввиду высокого уровня юридической техники стали основой современного уголовного законодательства, направленного на борьбу с незаконным оборотом наркотиков. По итогам внесения изменений, УК РСФСР 1960 г. содержал целую группу норм, направленных на борьбу с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков, которые нашли свое отражение в УК РФ.

История регламентации наркотических преступлений свидетельствует о поступательном развитии уголовного законодательства в данной сфере, в том числе, отраженном в постоянном изменении объекта данных преступных деяний, расширении предмета преступлений, объективной стороны.

Первый этап (период действия УК РСФСР 1922 года) ознаменован включением бланкетных составов преступлений, которые по аналогии могли быть применены к обороту наркотических средств.

Второй этап (период действия УК РСФСР 1926 года) характеризуется введением самостоятельной нормы права, регулирующей ответственность за незаконный оборот кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ. Следует отметить, что данная норма была собирательной и включала признаки объективной стороны преступления на данный момент составляющие 4–5 отдельных составов наркотических преступлений.

Третий этап (период действия УК РСФСР 1960 года) является наиболее интересным для действующего законодателя, так как имеет существенное сходство с действующим УК РФ. На этом этапе, правовое регулирование развивалось по двум направлениям – детализации составов преступлений и усилению уголовной ответственности.

Список литературы:

1. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – М., 1965. № 39.
2. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – М., 1979. № 29; 1987. № 27.
3. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – М., 1974. № 47.
4. Вердников В.Г., Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. – М.: «Юридическая литература», 1970.
5. Законопроект Законодательного Собрания Кировской области – [Электронный ресурс] – URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/4D7CA08AF45A8DDD43257F53004510C8/\\$FILE/991901-6_08022016_991901-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/4D7CA08AF45A8DDD43257F53004510C8/$FILE/991901-6_08022016_991901-6.PDF?OpenElement) (Дата обращения: 29.05.2016).
6. Калачев Б.Ф. Источники распространения наркотиков в Российской Империи: история вопроса // Наркоконтроль. 2011. № 4.
7. Миньковский Г.М., Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Уголовно-правовые средства борьбы с наркотизмом в России. – М., Юристь, 1994.
8. Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. – М., Госюриздат, 1962.
9. Предписание СНК от 31 июля 1918 года № 7206-7212 «О борьбе со спекуляцией кокаином» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М., 1997. – № 5.
10. Предписание СНК от 1918 г. «О торговле опиумом» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М., 1997. – № 5.
11. Постановление СНК от 6 ноября 1924 г. «О мерах регулирования торговли наркотическими веществами» // Административный вестник. 1925. № 1.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРИНЦИПОВ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Матисаков Каныбек Анарбекович

*соискатель, Кыргызский Национальный университет
имени Жусупа Баласагына,
Кыргызская Республика, г. Бишкек
E-mail: matysakov@yahoo.com*

IMPLEMENTATION OF ACCEPTED INTERNATIONAL PRINCIPLES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kanybek Matisakov

*aspirant, Jusup Balasagyn Kyrgyz National University,
Kyrgyzstan, Bishkek*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье изложены некоторые концептуальные выводы результатов исследований по имплементации международных принципов в сфере человека в уголовно-процессуальное законодательство. Результаты научных исследований и состояние имплементации общепризнанных принципов международных норм обеспечили формирование правовой науки, новой идеологии, правосознания и культуры в Кыргызской Республике.

ABSTRACT

This article describes some conceptual conclusions of research results for the implementation of international principles in the human sphere in the legislation on criminal procedure. The results of scientific research and State of implementation of the universally recognized principles of international norms provided the legal science, a new ideology, awareness and culture in the Kyrgyz Republic.

Ключевые слова: имплементация, императивность, принципы, система, правовая.

Keywords: implementation, peremptory, principles, system, legal.

Применение нормы одной правовой системы в другой правовой системе создало концепцию имплементации. Имплементация норм и принципов предусматривает имплементацию не только международных принципов в национальную правовую систему, но и норм и принципов национальной правовой системы в международную.

Развитие современного уголовного судопроизводства Кыргызской Республики невозможно рассматривать без:

- имплементации общепризнанных принципов;
- учета императивности международных норм-принципов;
- учета иерархии в международных принципах и верховенства права.

С развитием общества и его правовой культуры постепенно с учетом особенностей общепринятые международные принципы становятся источниками национального законодательства. Поэтому общепринятые международные принципы становятся не только составной частью национальной правовой системы, но и источником и основой национального законодательства.

В соответствии с авторским законом об имплементации международных норм и принципов в национальную правовую систему подлежат только те общественные отношения, где объект регулирования для этих правовых систем является общим.

Для общепринятых международных принципов и норм характерны такая особенность, как императивность, поэтому их принято именовать принципами, наделенными особой политической, моральной и высшей юридической силой. В правовой науке из различных видов международных принципов важное место занимают принципы-идеи, которые сформулированы в нормах Устава ООН, пактах и конвенциях, а также вступивших в установленном законом порядке в силу международных договорах, участницей которых является Кыргызская Республика [1].

В силу статьи 1 действующего уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в 2016 году «вступившие в установленном законом порядке в силу международные договоры, участницей которых является Кыргызская Республика, а также общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью уголовно-процессуального права и непосредственно порождают права и свободы человека в сфере уголовного судопроизводства» [3].

Разработчиками данного уголовно-процессуального кодекса неверно имплементирована конституционная норма в уголовно-процессуальный кодекс, и это, кажется, было написано формально и для

видимости, чтобы считать, что в процессуальном кодексе нормы международных принципов охвачены и кодекс отвечает определенным требованиям к подобным законам в сфере охраны и защиты прав человека. Но в Конституции речь идет о том, что нормы международного права составляют часть правовой системы, а не законодательства. Но в уголовно-процессуальном кодексе составители зафиксировали, что нормы международного права составляют часть уголовно-процессуального законодательства. При этом они ограничили сферу действия конституционной нормы, отделив от правовой деятельности (как известно, процессуальный кодекс не является единственным актом, регулирующим уголовное судопроизводство). В данной ситуации с учетом императивности общепризнанных международных принципов действует норма о высшей силе и прямом действии норм Конституции.

Правовая система включает в себя не только систему законодательства, но и комплекс элементов, определяющих правовое сознание, нормы, институты и культуру. В правовую систему, таким образом, включаются как правовые нормы, институты и принципы, так и юридические учреждения, правосознание и правовая культура.

На первый взгляд кажется, что общепринятые международные принципы имплементированы в уголовно-процессуальное законодательство. А по сути появились нормы «обход этого закона», что дало как положительные, так и отрицательные эффекты сторонам – участникам уголовного судопроизводства. У сторон расширились возможности, появилось понятие «иерархия» в норм-принципах международного права.

Впервые основываясь на результатах научных исследований по имплементации в Конституцию, вопросы иерархии в общепринятых международных принципах-нормах включены и приобрели характер конституционной нормы во многих странах.

В статье 6 новой редакции Конституции Кыргызской Республики от 2010 года установлена норма, определяющая иерархию норм-принципов «Нормы международных договоров по правам человека имеют прямое действие и приоритет над нормами других международных договоров» [1]. Но в действующей редакции уголовно-процессуального законодательства большинства стран СНГ не установлена иерархия международных принципов и норм.

Уголовно-процессуальное законодательство должно содержать нормы в форме отсылки, где международные договоры по правам человека имеют прямое действие и приоритет над нормами других международных договоров.

Имплементация международных принципов в уголовное судопроизводство с установлением однозначной иерархии принципов является одним из механизмов реализации принципа верховенства права и признание права человека как высшей ценности.

В соответствии с вышеизложенной конституционной нормой имплементация уголовного судопроизводства в Кыргызской Республике должно осуществляться с соблюдением принципа иерархии международных принципов и верховенства права, в соответствии с которым человек, его права признаются наивысшими ценностями.

Порядок имплементации норм международных принципов должен регулироваться нормами национального законодательства, если другое не определено международными актами. Это процедура, направленная на выполнение принятых государством международных обязательств.

Научной практике и теории известны несколько методов имплементации международных принципов и норм в национальное законодательство. По сути, как их ни называли некоторые исследователи, это присоединение, соблюдение, отсылка, использование и исполнение [4].

Использование международных принципов и норм в национальном законодательстве производится по процедуре принятия парламентом нового Закона с соблюдением законотворческой техники разработки проекта Закона. Данный метод широко используется при инкорпорации, трансформации и гармонизации законодательства с общепринятыми принципами для целей сближения норм законодательств и принципов.

Чаще всего используются методы присоединение, соблюдение, отсылки и исполнение при имплементации международных принципов, которые позволяют обеспечить выполнение международных обязательств, при этом сохранить необходимую степень своеобразности и содержание национального законодательства.

При условии действия разных правовых режимов, обусловленных международными принципами и нормами законодательства имплементация направлена в основном на преодолении коллизии между международными принципами и национальным законодательством [4].

Для решения коллизии особое значение имеет метод отсылки, когда речь идет об императивности международных принципов по отношению к национальному законодательству. Отсылка по своему назначению не изменяет природу принципа, в том числе при конституционном закреплении его статуса, равно к нормам национального законодательства, и только разрешает прямое действие

норм международных принципов в сфере действия национальной правовой системы [2]. По сути, при отсылке подразумевается прямое применение нормы международных принципов на национальном законодательстве.

Для рецепции не требуется внесение изменений в нормативные правовые акты, и отсылка применения норм одной правовой системы в другой правовой системе без изменения его сущности является рецепцией. Для рецепции важна конкретизация, обобщение норм путем толкования.

Имплементация правовых систем происходит путем взаимного влияния, дополнения при юридической совместимости независимо от того, имеет ли она первичный характер. Имплементация правовых систем – это стремление к гармонизации и выражение потребности общества в верховенстве права и определенном уровне правосознания и правовой культуры.

В заключение можно отметить следующее:

1. Охрана и защита прав человека гарантируется Конституцией, общепринятыми международными принципами и нормами, но обеспечивается правосудием.

2. Особенность уголовного судопроизводства в том, что государство, применяя меры принуждения, вторгается в личную жизнь человека и ограничивает его права и свободы. Поэтому государство имплементацией международных принципов в национальное законодательство обязано создать такую систему охраны прав человека, которое может обеспечить эффективную защиту в ходе уголовного судопроизводства.

3. Особенность международных принципов заключается в наличии основных, обобщенных норм, обладающих политической, моральной и высшей юридической силой.

4. Любой принятый Закон или политическое решение может быть стабильным, надежным, эффективным, долговечным, справедливым и антикоррупционным, если основывается на общепринятых международных принципах и нормах.

5. Анализ имплементации международных принципов в сфере прав человека в уголовном судопроизводстве показывает, что применялся более или менее формальный подход, поэтому новая редакция уголовно-процессуального законодательства должна быть построена на базе общепринятых международных принципов.

6. Имплементация международных принципов и норм в сфере уголовного судопроизводства – процесс соблюдения, применения, систематизации нормативного правового акта, при котором

общепринятые международные нормы приобретают силу норм позитивного права.

7. Можно сформулировать «закон имплементации» в следующем содержании: «имплементация норм и принципов из одной правовой системы в другую происходит только через те общественные отношения, где объект регулирования является единым».

8. Можно выделить следующие виды имплементации международных принципов: присоединение, соблюдение, отсылка, использование и исполнение.

9. Кыргызская модель имплементации международных принципов в сфере прав человека в уголовном судопроизводстве основана на возможности прямого действия в рамках правовой системы.

10. Примером неудачной имплементации может быть формула о том, что в уголовно-процессуальном кодексе нормы международного права составляют часть уголовно-процессуального законодательства. Данное положение противоречит конституционной норме, где нормы международного права составляют часть правовой системы, а не законодательства.

11. Уголовно-процессуальное законодательство должно состоять из уголовно-процессуального кодекса, основанного на Конституции, и общепризнанных принципов международного права и договоров.

12. Уголовно-процессуальное законодательство должно признать иерархию общепринятых международных принципов и норм. То есть международные принципы, нормы, договоры по правам человека имеют прямое действие и приоритет над принципами и нормами других международных договоров.

13. В статьях уголовно-процессуального закона необходимо закрепить принцип верховенства права. В соответствии с этим принципом уголовное судопроизводство осуществляется с соблюдением принципа верховенства права, в соответствии с которым человек, его права и свободы признаются наивысшими ценностями.

14. В статьях уголовно-процессуального закона необходимо закрепление принципа беспристрастности и свободной оценки доказательств судом. Беспристрастность при рассмотрении уголовного дела – руководство только Законом. Оценка доказательств, собранных в ходе досудебного производства, не должна иметь обязательного значения и заранее установленной силы.

Список литературы:

1. Конституция Кыргызской Республики (введена в действие Законом КР от 27 июня 2010 года) // Нормативные акты Кыргызской Республики от 12 июля 2010 года, № 28.
2. Постановление Правительства Кыргызской Республики «О Национальных докладах Кыргызской Республики по выполнению международных договоров ООН в сфере прав человека» от 20 февраля 2012 года № 141 // Газета «Эркин Тоо» от 28 февраля 2012 года, № 17.
3. «Уголовно-процессуальный кодекс» от 30 июня 1999 года. № 62 // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, 1999 г., № 10. – С. 442.
4. Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. – М.: Норма – М, 1993. – С. 132–141.

СЕКЦИЯ

«ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА»

НАЛОГОВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ СОВЕРШЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гагиева Алана Виленовна

*канд. юрид. наук, заведующая кафедрой гражданского права
Владикавказского института управления,
РФ, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ*

Диамбеков Сослан Анатольевич

*студент 5 курса направления подготовки «Юриспруденция»
Владикавказского института управления,
РФ, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ
E-mail: diambekov.s@mail.ru*

TAX OFFENSES AND ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THESE ACTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alan Gagieva

*phD, Head of the Department
of Civil Law Vladikavkaz Management Institute,
Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz*

Soslan Diambekov

*5-year student of direction "Jurisprudence"
Vladikavkaz Management Institute,
Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz*

АННОТАЦИЯ

Тема налоговых правонарушений достаточно актуальна в условиях социально-экономического развития государства. Уклонение от налогов ведёт к спаду экономики в стране, социальной стратификации населения. Несогласованность контрольно-ревизионных органов, пробелы в законодательстве отрицательно сказываются на контроле исполнения обязанностей налогоплательщиков по уплате налогов и сборов.

В статье указывается об основных понятиях налоговых правонарушений и мерах административной ответственности за их совершение.

ABSTRACT

Subject of tax offenses is relevant enough in terms of socio-economic development of the state. Tax evasion leads to a decline in the economy in the country, social stratification of the population. Inconsistency audit bodies, gaps in legislation adversely affect the control of the execution of duties of taxpayers to pay taxes and fees.

The article says about the basic concepts of tax offenses and measures of administrative responsibility for these acts.

Ключевые слова: Налоговое правонарушение, налоги, административная ответственность, санкция, налоговый контроль.

Keywords: tax offense, taxes, administrative liability, penalty, tax control.

Процесс формирования норм налогового законодательства выявил особую актуальность установления ответственности за налоговые правонарушения.

Налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое Налоговым кодексом Российской Федерации установлена ответственность.

Чаще всего противоправное деяние в области налогов заключается в бездействии субъекта, так как происходит невыполнение своих обязанностей, установленных налоговым законодательством. Это может быть не предоставление в указанный срок документов и прочих сведений, а также неправильный учет доходов и расходов. Для того чтобы осуществлять налоговый контроль, существуют так называемые налоговые органы [4, с. 470].

Налоговые органы составляют единую систему контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты (перечисления).

Кроме налоговых органов в налоговом администрировании принимают участие таможенные органы, финансовые органы, органы внутренних дел и др. [1, с. 41–42].

Административная ответственность за налоговые правонарушения установлена гл. 15 КоАП РФ, содержащей составы правонарушений в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг. Согласно нормам гл. 15 КоАП РФ, с должностных лиц, в действиях которых было обнаружено налоговое нарушение, взыскивается штраф.

Например, согласно ст. 15.9 КоАП РФ осуществление банком или иной кредитной организацией расходных операций, не связанных с исполнением обязанностей по уплате налога или сбора либо иного платежного поручения, имеющего в соответствии с законодательством Российской Федерации преимущество в очередности исполнения перед платежами в бюджет, по счетам налогоплательщика, плательщика сбора, налогового агента, сборщика налогов и (или) сборов или иных лиц при наличии у банка или иной кредитной организации решения налогового органа, таможенного органа о приостановлении операций по таким счетам влечёт наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей.

Примером мерой ответственности за совершение налогового правонарушения также является налоговая санкция в виде денежных взысканий (штрафов) в размерах, предусмотренных гл. 16 и 18 НК РФ. Например, нарушение установленного способа предоставления налоговой декларации в электронной форме в случаях, предусмотренных НК РФ влечёт взыскание штрафа в размере 200 рублей.

К ответственности за совершение налогового правонарушения лицо может быть привлечено только при наличии вины в форме умысла или по неосторожности. Налоговое правонарушение признаётся совершённым умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), желало либо сознательно допустило наступление вредных последствий таких действий (бездействия). Налоговое правонарушение признаётся совершённым по неосторожности если лицо, его совершившее, не осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), либо вредного характера последствий, возникших вследствие этих действий (бездействия), хотя должно было и могло это осознавать. Вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в

зависимости от вины её должностных лиц, либо её представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения [2, с. 7].

Ответственность за совершение налоговых правонарушений несут организации и физические лица в случаях, предусмотренных НК РФ. Физическое лицо может быть привлечено к ответственности за совершение налоговых правонарушений с шестнадцатилетнего возраста. Никто не может быть привлечен к ответственности за совершение налогового правонарушения иначе, как по основаниям и в порядке, которые предусмотрены НК РФ; повторно к ответственности за совершение одного и того же налогового правонарушения. Основанием для привлечения лица к ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах является установление факта совершения, данного нарушения решением налогового органа, вступившим в силу.

Налоговая ответственность необходима для того, чтобы к лицу были применены определенные санкции в виде взыскания денежных средств. При этом существуют обстоятельства, которые позволяют исключить или уменьшить вину за нарушение налогового законодательства:

- факт налогового нарушения не установлен;
- вина налогоплательщика не доказана;
- правонарушитель не достиг 16-ти лет;
- истек срок давности (3 года);
- нарушение произошло по причине чрезвычайных обстоятельств;
- нарушитель не контролировал свои действия.

Этот перечень не является полным. Нужно отметить, что суд может самостоятельно решать, какие еще дополнительные обстоятельства могут носить смягчающий характер. Наличие любого из них может повлиять на снижение санкций в несколько раз и более.

При совершении лицом двух или более налоговых правонарушений налоговые санкции взыскиваются за каждое правонарушение в отдельности без поглощения менее строгой санкции более строгой [1, с. 210].

Административная ответственность может быть применена к правонарушителю, как в судебном порядке, так и в досудебном. Это предусмотрено Гражданско-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Административная ответственность может применяться исключительно к должностным лицам. Законодательство допускает, что субъектом в редких случаях может выступать также гражданин,

выступающий как третье лицо. Чаще всего им выступает руководитель организации или главный бухгалтер, то есть должностное лицо. Должностное лицо – это лицо, которое наделено определенными полномочиями и вследствие этого осуществляющее распорядительные функции.

Отметим, что для привлечения за налоговые правонарушения существуют определённые условия, среди них:

- при привлечении юридического лица, должностные лица не освобождаются от административной ответственности;
- невозможно привлечь лицо к ответственности за одно правонарушение несколько раз; виновное лицо обязано выплатить все суммы налога;
- вина нарушителя должна быть доказана в судебном порядке;
- в случае если вина не доказана, применение санкций недопустимо;
- налогоплательщик не должен сам доказывать свою невиновность.

Список литературы:

1. Дарофеева Н.А. Налоговое администрирование. – М.: 2014. – 296 с.
2. Латышев В.И. Налоговые правонарушения: поиск и выявление. – М.: 2006. – 96 с.
3. Потапова А.А. Административное право. Конспект лекций. – М.: 2015. – 125 с.
4. Рассолова М.М. Коммерческое право. 4-е издание, – М.: 2015. – 503 с.
5. Шашкова А.В. Ответственность налогоплательщиков за нарушения налогового законодательства. – М.: 2012. – 115 с.
6. Налоговый кодекс (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ ред. От 23.05.2016 // Программа информационной поддержки российской науки и образования «Консультант плюс; Высшая школа» 24 выпуск.
7. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2011 № 195-ФЗ ред. от 03.07.2016 // Программа информационной поддержки российской науки и образования «Консультант плюс; Высшая школа» 24 выпуск.

СЕКЦИЯ

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

МЕДИАЦИЯ В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, ст. преподаватель Новгородского филиала
Современной гуманитарной академии,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

Трухина Ирина Николаевна

*канд. филос. наук, доц., доц. Санкт-Петербургского государственного
университета ГПС МЧС России,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: truhirina@yandex.ru*

MEDIATION IN THE SYSTEM OF REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Novgorod branch
Modern humanitarian Academy,
Russia, Veliky Novgorod*

Irina Trukhina

*cand. filosof. science, associate professor, the Professor
of St. Petersburg State University, Russian Ministry for Emergency
Situations, Russia, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются формы и способы регулирования публичных правоотношений при помощи медиации. Целью исследования является сфера применения методов медиации в области

местного самоуправления, в том числе заключения соглашений между муниципалитетами и органами государственной власти, а также в порядке передачи полномочий. Авторы полагают, что медиация позволит расширить область применения методик заключения соглашений между органами местного самоуправления, а также договоров с органами государственной власти.

ABSTRACT

The article analyses forms and methods of regulation of public relations by means of mediation. The aim of the study is the scope of the methods of mediation in local governance, including the conclusion of agreements between municipalities and public authorities, as well as in the transfer of responsibilities. The authors believe that mediation will allow you to expand the scope of application of the methods of concluding agreements between local governments and contracts with public authorities.

Ключевые слова: медиация; соглашение; деятельность; форма; способ; органы государственной власти и местного самоуправления.

Keywords: mediation; agreement; activity; form; fashion; state authorities and local self-government.

Медиация – добровольный процесс урегулирования конфликтных отношений оппонентов с привлечением нейтральной, беспристрастной третьей стороны медиатора с целью достижения письменного соглашения, учитывающего интересы сторон конфликта и способного обеспечить их партнёрские отношения в дальнейшем [5]. В основе медиации лежит решение спорных вопросов самими оппонентами. Поэтому результат достигнутых договоренностей в нём, в отличие от многих других форм, в том числе и суда, должен быть справедливым для обеих сторон.

В этих условиях представляется целесообразным установление особых требований к медиатору, проводящему процедуру [2] в публичных условиях. Исследователи высказывают целый ряд предположений в отношении допустимости и законности применения методов медиации в урегулировании отношений органов публичной власти, в частности в процессе подготовки и заключения соглашений между муниципалитетами и между органами государственной власти и местного самоуправления, что потребует дальнейшего осмысления. Авторы считают целесообразным отметить, что медиатор, осуществляющий деятельность на профессиональной основе, может участвовать в урегулировании конфликтов и подготовки договоров как

субъектов публичных и частных правоотношений, так и в отношениях публичных и частных субъектов.

Между гражданами и властью постоянно возникают социальные конфликты в самых разных областях, затрагивающие интересы публичных и частных отношений в те или иные сферах жизнедеятельности. В последние годы особенно отчетливо характер конфликтов приобретают вопросы так называемой «местной повестки», неэффективное разрешение которых может привести к серьезному увеличению показателей социальной напряженности в обществе в целом [2].

В связи с этим, для обеспечения сбалансированных отношений и эффективного взаимодействия между обществом и государством, необходимо развивать общественные коммуникативные институты, на базе которых могли бы обсуждаться споры и разногласия сторон социального конфликта.

Со стороны органов государственной власти и местного самоуправления должно быть полное понимание необходимости диалога с населением с предложением конкретных мер по урегулированию проблем, с определением точных сроков реализации планов и мероприятий.

При этом со стороны общества должно быть понимание о недопустимости решения социальных конфликтов не правовыми средствами, дестабилизации ситуации на отдельно взятой территории. Для достижения согласия между обществом и органами власти всех уровней необходимо привлекать профессиональных медиаторов, способствующих урегулированию социального конфликта и недопущению его дальнейшей эскалации. Усиление роли посредников в решении споров и разногласий, наделение их модераторскими функциями позволит сторонам находить взаимоприемлемые компромиссные решения [2].

Одним из дискуссионных вопросов при исследовании сущности медиации является сфера применения этого института, а именно – возможно ли использовать медиацию в области управления при решении публично-правовых споров. В современном обществе, при высоком уровне сложности проблем в общественной сфере, требуются решения, сбор информации, поиск вариантов и альтернатив, что не может осуществляться путем авторитарного решения. Медиация выступает своеобразным барометром соблюдения органом власти демократических принципов в управлении.

Важнейшей гарантией установления компетенции уровней муниципальной власти является норма, согласно которой перечень вопросов местного значения не может быть изменен иначе как путем

внесения изменений и дополнений в Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ [3].

Полномочия органов местного самоуправления представляют собой совокупность прав и обязанностей органов местного самоуправления, реализуемых ими самостоятельно посредством совершения властных действий по кругу вопросов, в том числе путем заключения договоров. Некоторые исследователи полагают, что весь объем нормативного регулирования местного самоуправления должен быть сосредоточен на уровне субъектов Федерации, вместе с тем на практике такой способ не оправдал себя.

Муниципальные договоры, их содержание и порядок заключения указаны в статье 15 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ [3]. Право заключать договоры предоставлено органам местного самоуправления отдельных поселений, входящих в состав муниципального района. На первый взгляд, право ограничено соглашениями с органами местного самоуправления муниципального района о передаче им осуществления части своих полномочий по решению вопросов местного значения за счет межбюджетных трансфертов, предоставляемых из бюджетов этих поселений в бюджет муниципального района [3]. В связи с чем, представляется, что места медиативному процессу не имеется.

Однако, наоборот, органы местного самоуправления муниципального района вправе заключать соглашения с органами местного самоуправления отдельных поселений, входящих в состав муниципального района, о передаче им осуществления части своих полномочий по решению вопросов местного значения за счет межбюджетных трансфертов, предоставляемых из бюджета муниципального района в бюджеты соответствующих поселений [3].

Межмуниципальные соглашения должны заключаться на определенный срок, содержать положения, устанавливающие основания и порядок прекращения их действия, в том числе досрочного, порядок определения ежегодного объема указанных межбюджетных трансфертов, необходимых для осуществления передаваемых полномочий. Порядок заключения соглашений определяется уставом муниципального образования и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования [3; 4]. Таким образом, остаются не разрешенными вопросы в Уставе городского, сельского поселения, либо в Уставе муниципального района, предусматривается порядок заключения соглашений, либо это второстепенные правовые нормативные акты, которые могут быть приняты представительными органами районного муниципалитета либо представительными органами городского, либо сельского поселения.

Дефиниция «отдельные соглашения» указывает, что в муниципальном районе соглашения заключаются с конкретными муниципалитетами на определенный срок, содержат положения, устанавливающие основания и порядок прекращения их действия, в том числе досрочного, порядок определения ежегодного объема указанных межбюджетных трансфертов, необходимых для осуществления передаваемых полномочий. Аналогичными полномочиями не наделены органы местного самоуправления поселений, при условии, если нормативные акты (Устав муниципального района либо решение представительного органа муниципального района) не содержат порядка заключения соглашений, в таком случае городское либо сельское поселение передать полномочия и заключить соглашение не может.

В статье 14 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ не предусмотрено право городскому и сельскому поселению и их представительным органам самостоятельно определять порядок заключения соглашений с районным муниципалитетом по вопросу передачи полномочий [3]. В законе не урегулированы и вопросы заключения соглашений между муниципалитетами городских и сельских поселений, например, по вопросам финансирования и эксплуатации объектов, находящихся в долевой собственности органов местного самоуправления городских и сельских поселений. Таким образом, в связи с возникновением материальных и процессуальных неопределенностей в отношениях между муниципалитетами при заключении соглашений, авторы полагают, возможно использование процедур медиации с целью достижения полноты и качества соглашений.

Существует два вида полномочий органов местного самоуправления: по решению вопросов местного значения или «собственные полномочия» и отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления или «делегированные полномочия». Процесс наделения государственными полномочиями должен иметь различные механизмы реализации с позиции наделения их соответствующими финансово-материальными ресурсами [1].

Разграничивая компетенции государственных и муниципальных органов власти, законодателем устанавливается исчерпывающий перечень вопросов местного значения [3]. Формами разграничения полномочий являются законы и подзаконные нормативные акты федерального, регионального и местного уровней власти.

Однако, законодатель, по сути, вышел за пределы «общих принципов», обосновывая это необходимостью обеспечения гарантий права населения на местное самоуправление. Субъекты федерации,

в силу разных причин, в том числе из-за различного толкования, не только не предпринимали необходимых мер для своевременного регулирования института договоров и соглашений, но и изменили их предназначение.

Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ [3] достаточно полно излагает вопросы местного значения, которыми ведают различные уровни и субъекты местного самоуправления, однако не разграничивает их в полном объеме.

Публичная власть имеет различные организационные формы. Публичная власть территориального коллектива муниципального образования и коллектива, организованного по поселенческому принципу, по своей природе различна. Органы такой публичной власти не входят в систему органов государства, но они могут осуществлять передаваемые им отдельные полномочия некоторых органов государства, сотрудничают с органами государства в решении «смежных» вопросов с вопросами местного значения и государственной компетенции. Муниципальная власть отличается от власти государственной не только приближенностью к интересам населения конкретной территории, но и, как правило, большей степенью участия самого населения в осуществлении этой власти.

Таким образом, институт медиации (альтернативной процедуры урегулирования подготовки и утверждения соглашений с участием посредника) является одним из наиболее эффективных инструментов, имеющих определяющее значение для взаимоотношений между обществом и органами власти и местного самоуправления. Медиатор может быть включен в состав рабочей группы по подготовке межмуниципального соглашения либо договора между органом государственной власти и местного самоуправления, либо уполномоченным по организации медиативного процесса для выработки условий договора, либо выработки соглашения о совместной эксплуатации межмуниципального объекта (общеобразовательного учреждения, медицинского комплекса, учреждения культуры и т. п.). При выработке соглашения между органами муниципального образования и государственной власти, медиатор способен организовать процесс согласования объема передаваемых полномочий и расчет средств, необходимых для их исполнения.

В целом, участие медиатора в процедуре разграничения полномочий органов государственной власти и местного самоуправления будет способствовать разумному администрированию и гарантией жизнеобеспечения и безопасности населения.

Список литературы:

1. Андреева Л.А. К вопросу о разграничении полномочий в системе местного самоуправления // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. LIII Междунар. науч.-практ. конф. № 9 (49). – Новосибирск: СибАК, 2015.
2. Андреева Л.А., Виснап Н.Е., Трухина И.Н. Медиация: логико-правовой аспект // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. LVI Междунар. науч.-практ. конф. № 12 (51). – Новосибирск: СибАК, 2015.
3. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.constitution.ru/> (Дата обращения 21.07.2016).
4. Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ (ред. от 03.02.2015) «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.constitution.ru/> (Дата обращения 21.07.2016).
5. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – СПС «Гарант» (Дата обращения 21.07.2016 г.).

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, ст. преподаватель Новгородского филиала
Современной гуманитарной академии,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

Трухина Ирина Николаевна

*канд. филос. наук, доц., доц. Санкт-Петербургского государственного
университета ГПС МЧС России,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: truhirina@yandex.ru*

MEDIATION AS A METHOD OF REGULATION OF COLLECTIVE LABOR RELATIONS

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Novgorod branch
Modern humanitarian Academy,
Russia, Veliky Novgorod*

Irina Trukhina

*cand. filosof. science, associate professor, the Professor of St. Petersburg
State University, Russian Ministry for Emergency Situations,
Russia, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются способы и формы применения медиации в процессе регулирования коллективных трудовых правоотношений. Целью исследования является сфера применения методов медиации в условиях заключения коллективных и многосторонних трудовых договоров. Авторы полагают, что медиация позволит расширить область применения методики урегулирования трудовых отношений, в том числе избежать конфликтов органов государственной власти, профсоюзов и трудовых коллективов.

ABSTRACT

The article considers the methods and forms of mediation in the process of regulation of collective labor relations. The aim of the study is the scope of the methods of mediation in detention, collective and multilateral labour agreements. The authors believe that mediation will allow you to extend the application of the methods of regulating labor relations, including to avoid conflicts of state authorities, trade unions and labor collectives.

Ключевые слова: медиатор; соглашение, коллективный договор; деятельность; переговоры.

Keywords: mediator; agreement; collective agreement; the activities and negotiations.

Медиация представляет добровольный, конфиденциальный процесс урегулирования конфликтных отношений оппонентов с привлечением нейтральной, беспристрастной третьей стороны медиатора с целью достижения письменного соглашения, учитывающего интересы сторон конфликта и способного обеспечить их партнёрские отношения в дальнейшем [10]. Медиация предполагает решение спорных вопросов самими оппонентами. Поэтому результат достигнутых договоренностей в нём, в отличие от многих других форм, в том числе и суда, должен быть справедливым для обеих сторон. В этих условиях представляется целесообразным установление особых требований к медиатору, проводящему процедуру. Когда эмоциональная включённость участников в конфликт велика, и они действуют исключительно под влиянием эмоций, то только искусность медиатора может привести переговоры к успеху [1]. Исследователями и законодателями по этому поводу высказывается целый ряд предложений требующих дальнейшего осмысления. На данный момент считаем целесообразным отметить, что это может быть непременно медиатор-специалист, осуществляющий деятельность на профессиональной основе, в качестве нейтральной стороны.

Общественное назначение системы социального партнерства, рассматриваемое с точки зрения медиации, находит свое практическое выражение в выполнении задач выработки и реализации, согласованной социально ориентированной политики экономических рыночных преобразований; содействия разрешению социально-трудовых конфликтов; совершенствования в установленном порядке законодательной базы, регулирующей социально-трудовые отношения и достижение социальной стабильности в обществе [4]. Трудовой кодекс Российской Федерации содержит раздел II «Социальное

партнерство в сфере труда» [6]. В нем социальное партнерство рассматривается как система взаимоотношений между работниками (представителями работников) работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти и местного самоуправления, направленных на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных, непосредственно связанных с ними экономических отношений. В Федеральном законе от 12.01.1996 № 10 «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях их деятельности» [8], в Федеральном законе от 27.11.2002 № 156 «Об объединениях работодателей» [9] обозначены формы, методы и механизмы правового регулирования социального партнерства на договорной основе.

Формирование правового механизма социального партнерства в конкретном учреждении, разрабатывающем и принимающем локальные нормативные акты, нормативные договоры и соглашения, заключаемые на основе взаимных консультаций, переговоров и договоренностей между сторонами. Вместе с тем, действующее федеральное и региональное законодательство полностью не регулируют все направления социального партнерства. Решение многих вопросов в современных условиях переносится на локальный уровень. В связи с этим происходит переосмысление значения локальных нормативных актов, нормативных договоров и соглашений в регулировании разнообразных правоотношений в деятельности организаций, возрастания их роли и значения для функционирования организации, поддержания ее в состоянии, способствующем выполнению основных социально-экономических и культурных функций. Процесс юридического регулирования социального партнерства организаций на основе нормативных договоров носит комплексный, междисциплинарный характер. Они принимаются в целях конкретизации правил, установленных актами вышестоящих уровней, применительно к условиям деятельности конкретной организации. В ТК РФ закреплены основные принципы заключения коллективных договоров и соглашений, в том числе: равноправие сторон; уважение и учет интересов сторон; заинтересованность сторон в участии в договорных отношениях; соблюдение сторонами и их представителями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; полномочность представителей сторон; свобода выбора при обсуждении вопросов, входящих в сферу труда; добровольность принятия сторонами на себя обязательств; реальность обязательств, принимаемых на себя сторонами; обязательность выполнения коллективных договоров, соглашений; контроль

за выполнением принятых коллективных договоров, соглашений; ответственность сторон, их представителей; содействие государства в укреплении и развитии социального партнерства на демократической основе.

В период становления региональное законодательство характеризовалось двусторонними отношениями: профсоюзы – органы исполнительной власти. В период сложных экономических преобразований и несовершенства законодательно-нормативной базы целесообразно заключение трехсторонних соглашений на нескольких уровнях. Например, статьей 133.1 Трудового кодекса РФ в субъекте Российской Федерации региональным соглашением о минимальной заработной плате устанавливается размер минимальной заработной платы и подписывается региональное соглашение.

На региональном уровне образуется постоянно действующая трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений. Членами трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений являются представители объединений профсоюзов, работодателей и органа исполнительной власти субъекта РФ. Целесообразно включить в состав трехсторонней комиссии медиатора, возложив на него обязанности секретаря комиссии, обеспечивающего независимое организационное руководство ее работой.

На отраслевом уровне общие условия оплаты труда, гарантии, компенсации и льготы работникам отрасли (отраслей) устанавливаются отраслевым (межотраслевым) соглашением. Отраслевое (межотраслевое) соглашение может заключаться на федеральном, межрегиональном, региональном, территориальном уровнях социального партнерства. На отраслевом (межотраслевом) уровне могут образовываться отраслевые (межотраслевые) комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. Отраслевые (межотраслевые) комиссии могут образовываться как на федеральном, так и на межрегиональном, региональном, территориальном уровнях социального партнерства. Соответственно, оправдан вышеуказанный механизм и для отраслевых (межотраслевых) комиссии с участием медиатора.

На территориальном уровне общие условия труда, гарантии, компенсации и льготы работникам на территории соответствующего муниципального образования устанавливаются территориальным соглашением. На территориальном уровне могут образовываться трехсторонние комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, деятельность которых осуществляется в соответствии с законами субъектов РФ, положениями об этих комиссиях,

утверждаемыми представительными органами местного самоуправления. В работе комиссий, координационных советов также усматривается роль и место медиатора.

На локальном уровне образуется комиссия для ведения коллективных переговоров, подготовки проекта коллективного договора и заключения коллективного договора. Коллективный договор – правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения в организации или у индивидуального предпринимателя и заключаемый работниками и работодателем в лице их представителей. Федерация профсоюзов и её членские организации ведут активную работу по популяризации коллективного договора, как документа, призванного защищать и отстаивать права и интересы члена профсоюза на различных уровнях социального партнерства. В целях расширения сферы действия коллективных договоров, повышения их качества, распространения положительного опыта заключения и выполнения коллективных договоров, требуется применение механизма медиации на любом уровне заключения коллективных договоров, а также наделения медиаторов правом и обязанностью участвовать в процессе заключения коллективных договоров.

Социальное партнерство осуществляется в формах, рассмотрение которых приводит к выводу о необходимости и достаточности участия медиатора в коллективных переговорах по подготовке проектов коллективных договоров, соглашений и заключению коллективных договоров, соглашений (Федеральный закон от 30.06.2006 № 90-ФЗ [7]); взаимных консультациях (переговорах) по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, обеспечения гарантий трудовых прав работников и совершенствования трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права (Федеральный закон от 30.06.2006 № 90-ФЗ [7]); участия работников, их представителей в управлении организацией; участия представителей работников и работодателей в разрешении трудовых споров (Федеральный закон от 30.06.2006 № 90-ФЗ [7]).

Формы социального партнерства, перечисленные в ст. 27 ТК РФ не являются исчерпывающими, применение медиации и участие в процессе медиатора, вполне обоснованно. Ст. 35 ТК РФ дополняет и развивает этот перечень. Коллективные переговоры представляют собой переговоры лиц, состоящих в трудовых отношениях, через своих представителей по вопросам подготовки, заключения или изменения коллективных договоров между работниками и работодателем. Именно в этом усматривается значение роли медиатора, не связанного трудовыми

отношениями, способного урегулировать коллективные споры, не будучи инициатором коллективных переговоров.

Правом на ведение коллективных переговоров от имени работников и от имени работодателей наделены их представители, которые участвуют в коллективных переговорах по подготовке, заключению и изменению коллективного договора, соглашения и вправе проявить инициативу по проведению таких переговоров. Паритет представителей сторон может создать затруднительную ситуацию, при которой нормативно-правовое регулирование не приведет к положительному результату, и тут роль медиатора бесценна.

Представители стороны, получившие уведомление в письменной форме с предложением о начале коллективных переговоров, обязаны вступить в переговоры в течение 7 календарных дней со дня получения уведомления. «Работодатели, органы исполнительной власти обязаны вести переговоры по трудовым и социально-экономическим вопросам, предлагаемым для рассмотрения профсоюзами, иными уполномоченными работниками представительными органами» [2]. Участники коллективных переговоров свободны в выборе вопросов регулирования социально-трудовых отношений (ст. 37 ТК РФ). Сроки, место и порядок проведения коллективных переговоров определяются представителями сторон - участников таких переговоров. Не позднее 2 недель со дня получения соответствующего запроса стороны должны предоставить друг другу имеющуюся у них информацию, необходимую для ведения коллективных переговоров. Участники коллективных переговоров, другие лица, связанные с ведением таких переговоров, не должны разглашать полученные сведения, если эти сведения относятся к охраняемой законом тайне (государственной, служебной, коммерческой и иной). В случаях, когда стороны коллективных переговоров не смогли прийти к согласию по всем рассматриваемым или по части вопросов, составляется протокол разногласий.

Представители работников и работодателей участвуют в коллективных переговорах по подготовке, заключению и изменению коллективного договора, соглашения и имеют право проявить инициативу по проведению таких переговоров. Не допускаются ведение коллективных переговоров и заключение коллективных договоров и соглашений от имени работников лицами, представляющими интересы работодателей, а также организациями или органами, созданными либо финансируемыми работодателями, органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, политическими партиями, за исключением случаев, предусмотренных ТК РФ. Применение

инструментов медиации значительно облегчит и упростит процесс согласования.

Интересы работников организации при осуществлении социального партнерства обычно представляет первичная профсоюзная организация. Это общее правило. Представителями работодателя при проведении коллективных переговоров, заключении или изменении коллективного договора являются руководитель организации или уполномоченные им лица в соответствии с Трудовым кодексом РФ, законами, иными нормативными правовыми актами, учредительными документами организации и локальными нормативными актами. Работодатель обязан создавать условия, обеспечивающие деятельность представителей работников. Конкретные обязательства работодателя могут устанавливаться в коллективных договорах, соглашениях. Участники коллективных переговоров свободны в выборе вопросов регулирования социально-трудовых отношений. Предмет коллективных переговоров определяется с учетом цели регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. Свободу в выборе вопросов регулирования может обеспечить нейтральное лицо, медиатор, равноудаленный от трудового коллектива, профсоюзов и работодателя. В отдельных случаях, при наличии в организации двух и более профсоюзных организаций они создают единый представительный орган. Порядок и условия создания такого органа определяют сами профсоюзы с соблюдением принципа пропорционального представительства в зависимости от численности членов профсоюза. При этом представитель должен быть определен от каждой профсоюзной организации, что в значительной степени затрудняет процесс подготовки соглашения.

Ст. 24 ТК РФ указывает о равноправии сторон трудовых отношений, взаимное уважение и учет интересов сторон. Поэтому попытки отдельных работодателей или их представителей авторитарно присвоить себе главенствующую роль в трудовых отношениях является нарушением провозглашенного государством принципа равноправия сторон трудовых отношений. При этом за государством закреплена обязанность содействия в укреплении и развитии социального партнерства на демократической основе. Медиатор способен обеспечить равноправие и взаимное уважение сторон. Базовой формой социального партнерства на локальном уровне и наилучшей формой реализации основной задачи трудового законодательства – оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений – является коллективный договор, который нужен не только работникам, но и работодателю. Трудовым кодексом РФ коллективный договор

определяется как правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения в организации или у индивидуального предпринимателя и заключаемый работниками и работодателем в лице их представителей.

Коллективный договор позволяет сократить объем кадрового документооборота, зачастую в организациях руководитель не контактирует непосредственно с каждым работником и не имеет возможности указать все аспекты трудовых отношений непосредственно в трудовом договоре с каждым. Если все включат в состав трудового договора, то он расширится до неузнаваемости. Поэтому целесообразно взаимодействие с сотрудниками осуществлять через коллективный договор, а в трудовых договорах сделать ссылку на те или иные правила и нормы коллективного договора. Коллективный договор заключается с целью отражения тех социально-трудовых вопросов, на которые прямо указывают российские законы и, прежде всего, ТК РФ, другие нормативные правовые акты; отражения дополнительных по сравнению с законодательством трудовых и социально-бытовых льгот для работников; письменного закрепления взаимоотношений между профессиональным союзом и работодателем.

Авторы полагают, что Государственной инспекцией труда может быть уполномочена проводить проверки законности применения механизма медиации в трудовых коллективах, права медиаторов в обеспечении процесса урегулирования трудовых коллективных споров и заключения коллективных трудовых договоров, а также получит право направлять отдельных медиаторов в трудовые коллективы для обеспечения повсеместного заключения коллективных договоров.

Практика показывает, что в организациях, где отсутствуют первичные профсоюзные организации и не заключаются коллективные договоры, отмечаются наиболее частые факты нарушений трудового законодательства, а работникам труднее добиваться восстановления нарушенных трудовых прав и интересов. Инициатором коллективных переговоров по заключению коллективного договора вправе выступать любая из сторон, но, прежде всего, с инициативой заключения коллективного договора целесообразно выступить профсоюзному комитету, который должен на своем заседании принять решение о начале коллективных переговоров и направить соответствующее уведомление работодателю с указанием представителей от своей стороны для участия в работе комиссии по ведению коллективных переговоров и их полномочий. Именно в этот период, возможно, участие медиатора в подготовке коллективных переговоров.

Порядок разработки проекта коллективного договора и его заключения определяется сторонами, являющимися участниками коллективных переговоров (ст. 42 ТК РФ). Для подготовки проекта и заключения коллективного договора стороны на равноправной основе образуют комиссию по ведению коллективных переговоров из равного количества наделенных необходимыми полномочиями представителей сторон, которая организует свою работу в соответствии с положением о порядке проведения коллективных переговоров по подготовке проекта и заключения коллективного договора, утверждаемым работодателем и профсоюзом.

В настоящее время комиссию могут возглавить два сопредседателя (координатора), по одному от каждой из сторон, которые по очереди ведут заседания. Задача сопредседателя – поддержание порядка во время дискуссий, соблюдение принципов социального партнерства и соблюдение принятого порядка ведения переговоров. В связи с чем, председательство медиатора исключит противоречия в процедурных вопросах. Законодатель указывает, что для соблюдения предельного срока ведения коллективных переговоров (не более 3 месяцев) целесообразно принять регламент проведения переговоров. Законодатель для лиц, участвующих в коллективных переговорах, предусматривает освобождение от основной работы с сохранением среднего заработка на срок, определяемый соглашением сторон, но не более чем на три месяца, но такие условия не требуются для медиатора.

Медиатор сможет проконсультировать работников и работодателя по содержанию и структуре коллективного договора. В коллективный договор могут включаться обязательства работников и работодателя по следующим вопросам: формы, системы и размеры оплаты труда; выплаты пособий, компенсаций; механизм регулирования оплаты труда с учетом роста цен, уровня инфляции, выполнения показателей, определенных коллективным договором; занятость, переобучение, условия высвобождения работников; рабочее время и время отдыха, отпуска; гарантии и льготы.

В зависимости от сторон, участвующих в переговорах, соглашения могут быть двухсторонние и трехсторонние. Для заключения трехстороннего соглашения подключаются органы исполнительной власти (Правительство РФ, правительства субъектов федерации, местная администрация) с целью комплексного решения социально-экономических вопросов, входящих в компетенцию каждой стороны. Правовое положение медиатора сможет обеспечить организационное и содержательное участие в переговорах всех участников.

Исходя из вида соглашения, медиатор сможет учитывать круг участников соглашения и их полномочия. Соглашения могут заключаться: на уровне федерации, на уровне субъекта Российской Федерации, на территориальном уровне, на отраслевом или профессиональном уровне. Содержание отраслевого (тарифного) соглашения определяется отраслевой комиссией на основе предварительных консультаций между сторонами. «По существу, положения Генерального соглашения носят программный характер, определяя общие принципы социально-экономической политики, направления сотрудничества по созданию условий для решения указанных программных вопросов» [8]. Все они должны учитываться при проведении коллективно-договорной кампании на отраслевом уровне и на предприятиях, в учреждениях, организациях. В настоящее время действует Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на 2014–2016 гг. [5].

Таким образом, социальное партнерство способно снять многие противоречия между работниками и государством, бизнесом и государством. Однако оно не способно решить главные противоречия, возникающие между капиталом и трудом. Следует признать, что степень эффективности социального партнерства на региональном уровне сомнительна. За последние годы система регулирования социально-трудовых отношений смогла адаптироваться к новым экономическим условиям, однако в полной мере не смогла стабилизировать социальную ситуацию, сбалансировать интересы работодателей и наемных работников. Можно сделать вывод о том, что в современных условиях взаимодействие региональных государственных органов с объединениями профсоюзов и работодателей региона является важным элементом механизма обеспечения целостности и единства государства, политической и социальной стабильности общества и участие медиаторов в этом процессе представляется законным и обоснованным.

Государственные органы в системе социального партнерства занимают центральное место с точки зрения создания правовых основ и принятия решений, развития правил взаимодействия в конфликтных ситуациях. Социальное партнерство для профсоюзов – это важнейший метод осуществления своей основной функции – защитной, а также метод повышения своего авторитета, укрепления своей роли и признания со стороны членов профсоюза и общества в целом. Важнейшая сфера деятельности медиатора будет заключаться в установлении диалога с государственной властью, участие

в государственном регулировании социально-трудовых отношений через включение в консультативные полномочные органы.

Все это позволит сохранять социально-экономическую стабильность, качество заключаемых коллективных договоров. Однако система социального партнерства требует своего дальнейшего развития. Необходимо усовершенствовать систему социального партнерства в муниципальных образованиях. Для этого нужно определить правовой статус медиатора в договорном процессе.

Необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу регулирования взаимоотношений субъектов социального партнерства. Обзор и анализ нормативно-правовых актов, регулирующих социальную ответственность хозяйствующих субъектов показал, что трудовое законодательство России учитывает не все изменения, произошедшие в трудовых отношениях. Трудовые отношения складываются в трех сферах: между работодателями и работниками, властью и бизнесом, государством и населением.

Несмотря на наличие целого комплекса международных и российских правовых норм, принятых как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации, законодательство о социальном партнерстве нуждается в дальнейшем совершенствовании. При этом основными направлениями совершенствования должно стать: а) нормативное закрепление процедуры распространения действия Генерального, межрегионального, регионального и территориального соглашений на всех работодателей, функционирующих на соответствующей территории, а также отраслевых соглашений, заключенных на федеральном уровне; б) дальнейшее повышение статуса трехсторонних и двусторонних комиссий на всех уровнях, нормативное закрепление их обязательного формирования не только при заключении Генерального, но и всех других соглашений, а также коллективных договоров; в) дальнейшее совершенствование законодательства об ответственности сторон социального партнерства, не только на работодателей и их представителей, но и на представителей работников, занимающих штатные должности в профсоюзных органах, а также на должностных лиц, являющихся представителями исполнительных органов власти и органов местного самоуправления, выступающих стороной в социально-партнерских отношениях; г) включение медиаторов в процесс урегулирования трудовых конфликтов, процесс заключения коллективных договоров и соглашений.

В большинстве случаев направление социального конфликта по вопросам местного значения в конструктивное русло, использование релевантных инструментов может оказать положительное воздействие

на его участников. Это связано с тем, что при конструктивном обсуждении проблем профессиональным медиатором возникает понимание оптимальных способов решения спорных вопросов, находятся компромиссные варианты. Важно представить, что социальный конфликт нужно обсуждать и решать в цивилизованной форме.

В связи с этим, для обеспечения сбалансированных отношений и эффективного взаимодействия между обществом и государством, необходимо развивать общественные коммуникативные институты, на базе которых могли бы обсуждаться споры и разногласия сторон социального конфликта.

Список литературы:

1. Андреева Л.А., Виснап Н.Е., Трухина И.Н. Медиация: логико-правовой аспект // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. LVI Междунар. науч.-практ. конф. № 12 (51). – Новосибирск: СибАК, 2015.
2. Герасимова Е.С. Забастовка как средство защиты трудовых прав граждан / Е.С. Герасимова // Право и экономика. – 2009. – № 3. – С. 27.
3. Катувский Е.Д., Меньшикова И.О. Оценка эффективности коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений на предприятии / Е.Д. Катувский // Уровень жизни населения регионов России. Научно-практический журнал. – 2014. – № 8. – С. 67.
4. Киселев В.Н., Смольков В.Г. Социальное партнерство в России. – М.: Луч, 2008.
5. Региональное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2014–2016 гг. // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.fnpr.ru/n/2/15/284/8798.html> (Дата обращения 21.07.2016 г.).
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (Дата обращения 21.07.2016 г.).

7. Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» от 30.06.2006 № 90-ФЗ // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (Дата обращения 21.07.2016 г.).
8. Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 № 10-ФЗ // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (Дата обращения 21.07.2016 г.).
9. Федеральный закон «Об объединениях работодателей» от 27.11.2002 № 156-ФЗ // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (Дата обращения 21.07.2016 г.).
10. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – СПС «Гарант» (Дата обращения 21.07.2016 г.).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

«ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ»

Сборник статей по материалам
LXIII международной научно-практической конференции

№ 7 (58)
Июль 2016 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 27.07.16. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,5. Тираж 550 экз.

Издательство АНС «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3